

АКАДЕМИЯ МАГИИ

АРМИР МАРИ

НЕКРОМАНТ-САМОУЧКА,
ИЛИ СМЕРТЕЛЬНАЯ ОКАЗИЯ

Annotation

В жизни каждого кадета военной академии наступает момент понимания: от добра добра не ищут, самоотверженность просто так не проявляют и, спасая команду игроков, себя в ее состав не включают, ибо чревато... тем более перед самыми играми Смерти. И не страшно, если прозрение приходит с опозданием, хуже, если эту истину доносит злобный рыжий Дао-дво, вынужденный идти в смертники вслед за тобой.

И теперь наглый метаморф, возомнивший себя наставником-тираном, смеет гонять меня, Намину Сумеречную, по полигону, кидать к пираньям и шипастым псам, злить и всячески донимать, потому что я в команде якобы самое слабое, недолговечное, невзрачное звено...

Это я-то?

Ардмир Мари

Некромант-самоучка, или Смертельная оказия

© Мари А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

— Вы знаете?!

— Знаем. — Отец обнял крепче, не позволяя мне вырваться.

— Все?

— Да. — И, предвосхищая мой следующий вопрос, ответил: — Октован Кворг письмом сообщил, как только увидел заявку на участие в играх.

Вот так дела. Перед глазами чередой пролетели последние три дня: счастливые лица родных, громкие застолья, шутки и анекдоты, байки, льющиеся рекой, словом, никаких отклонений от моих приездов из ведической школы. Никто не плакал, не ругал и не хоронил заблаговременно.

— Что же это получается... — Я медленно отстранилась от отца. — Вы все знали и молчали?

— Да, — просто ответил он. Стер с моих щек последние слезы, ссадил обратно на валун и, указав на горизонт, сказал: — Видишь, в свете последних солнечных лучей блестит крона трехсотлетнего дуба?..

— Вижу. — Кажется, сейчас дорогой родитель выдаст притчу. В такие мгновения он менял личину строгого и сдержанного отца на мягкого и простоватого батю, каким его видели только родные и очень редко жители деревни. За этими мыслями я упустила из виду, что рассказы у главы нашего семейства бывают не только поучительными, но и сверх меры короткими, поэтому услышала только: — ...Так вот, ты — как он!

— Я — дуб? — Если бы мои глаза не были после слез и без того припухшими и большими, они бы увеличились вдвое.

— Ты явный глухарь, Наминка, — пожурили меня.

— Я просто...

— Понял-понял, витаешь в облаках.

— Угу, — шмыгнула носом и потупилась, — выбираю шелк для гроба.

— Рано. — Отец ласково потрепал меня по волосам. — Мы думали, ты не родишься — родилась. Думали, не выживешь — выжила. Были уверены, что из-за дара сама на себя руки наложишь — не наложила. Боялись, что ты себя возненавидишь — обошлось. Опасались, что обмолвишься о своем даре и тебя казнят — и тут промах. А сколько раз мы с матерью, слыша звоночек почтового голубя, ожидали получить похоронку или приглашение на твою казнь... — Он длинно присвистнул и улыбнулся. — Но, как видишь, и этого не случилось. Ты без проблем поступила в ведическую школу. И проучилась там более двух лет, так и не вызвав подозрений на свой счет.

— Это благодаря Октовану. Он меня туда устроил.

— Он, может, и устроил, а училась и выживала ты. — Меня укоризненно щелкнули по носу. — Ай-ай-ай, мы все в тебя безоговорочно верим, а ты...

— А я боюсь.

— Чего?

— Вернее сказать, кого, — прошептала едва слышно и тут же поднялась, решив, что если это мой последний день, то он должен быть отличным. — Идем домой!

В тот вечер на ужин были свиные ребрышки и танцы вокруг костра, я пила чай с лимоном, смотрела на небо и думала, как ни странно, о будущем. Слова отца о трофее воодушевляли невероятно. Ненароком думалось даже о том, что середине игр я смогу сбежать на свадьбу старшей сестры. А свадьбе быть в ближайший месяц — так сказать, пока не сильно видно.

И вообще, дожить бы до этого времени или хотя бы до игр, ибо я не уверена, что переживу завтрашнюю встречу с рыжим Дао-дво. Во-первых, я окончательно осознала свою оплошность, а во-вторых, тон у метаморфа был столь многообещающим, что даже помехи в моем браслете не позволили усомниться в настрое Гера. И в каждом наполненном рыком слове слышалось, что он меня убьет, расчленит, утопит, удушит и все это проделает качественно, как истинный разведчик. И несмотря на всю убежденность отца и мою едва окрепшую уверенность в светлом будущем, мысленно я уже составляла списки вещей, что необходимы для похорон, и подспудно молилась об отсрочке. Именно поэтому письму, присланному на следующее утро из долины Дельи, я рада не была, как и приглашению на завтрак, после которого будет устроена увлекательная прогулка по оружейному залу и саду загородного дома рода Дао-дво.

Воображение лихо нарисовало эту встречу. Рыжий меня накормит в последний раз, отпустит все грехи старинным клинком и закопает под кустом шиповника. Нет уж, спасибо! Но едва я села писать отказ, как прилетело новое послание с кратким содержанием: «Герберт прибудет в конце недели».

— Еще три дня жизни! — возликовала я и начала сборы.

Однако радость моя была преждевременна. И осознание этого факта пришло с опозданием, когда двери богато обставленного дома закрылись за спиной и вокруг меня сомкнулись костлявые объятия Гарда Тиши.

— А-а-а-а! — пискнула сдавленно.

— Ве-е-е! — отозвался выглянувший из-за угла Куль.

— Привет, красавица, — поздоровался мумифицирующийся ужас и потащил меня в направлении мертвяка. Прижатая к груди некроманта и крепко связанная путами, я ничего не видела, не слышала, не могла предпринять и целую минуту просто отслеживала направление. Поворот направо, еще поворот, двадцать шагов, теперь поворот налево, еще десять шагов, ступеньки, затем еще несколько поворотов... Где-то посредине пути я сбилась и истово негодовала, а в конечном счете оказалась стоящей в знакомом кабинете близ знакомых книжных стеллажей.

И сразу вспомнилось, что совсем недавно на этом самом месте рыжий пытался меня то ли загрызть, то ли задушить, но был прерван. Интересно, а с Гардом мне так же повезет или он все заранее просчитал?

— Не спеши упрекать меня в попытке убийства, — заявил этот гад и отступил на шаг. — Я привел тебя сюда, чтобы извиниться...

Для описания его действий в моем словарном запасе была пара иных определений, и слово «привел» там не значилось, а про его «извиниться» вообще молчу.

— Обещай не кричать, — между тем потребовал грифон и принялся снимать с меня путы. Странные путы, слишком сильные для такой добычи, как я, и определенно знакомые. Приглядевшись, не сразу вспомнила, для чего они нужны, а потом... Милостивый боже, он на мне не простое заклинание ловчей применил, а сложное вяжущее на ходячего мертвеца! Ирод, я же ему ничего особо страшного не сделала! А он... он... Неужели предупрежден о даре?

— Эррас Тиши — болтливая сволочь, — вырвалось у меня. Гард хмыкнул, а в моей голове неожиданно раздалось:

«Я с этим не согласен».

Дежа-вю. Снова на этом самом месте, у стеллажей, меня настигли странные

галлюцинации с чужим голосом. История повторяется, обидно до слез.

— Дядя здесь ни при чем, это исключительно моя инициатива, — услышала я от грифона, наконец-то распутавшего все сложные узлы.

Хоть что-то хорошее, но не все.

— А путы?

— После упокоенного мертвяка остались. — Гард невинно пожал плечами. — Расплести не успел, а тут ты с воплем. Они и пригодились.

— Мило, — выдохнула я с отвращением.

— Да, стараюсь соответствовать твоему прозвищу, — хмыкнул он и сразу же перешел к сути нашей встречи: — Извини за происшествие в лаборатории и...

«Кто бы мог подумать, что племянничек на такое способен. И с чего бы это?» — незамедлительно раздалось в моей голове.

— ...за мое возмущение в палате, — между тем продолжил некромант.

— Ты на меня орал, — внесла я поправку, и этот умник отмахнулся.

— Бывает. Тяжелый день, сорванный эксперимент, чуть не сорванный голос...

— Еще бы, тебя весь лекарский корпус слышал.

— И за тот случай во дворце... тоже прости, — со вздохом добавил он последний пункт в исполненную покаяния речь. Затем прищурился, от чего стал еще более страшной мумией, и заявил: — Хотя надо признать, это я из-за тебя тогда натерпелся. Таррах! Я даже представить не могу, как ты Герберта до такого до- вела.

«Что за случай?» — тут же поинтересовался голос в моей голове. Но возмущенная до глубины души я не обратила на него внимания.

— Гард, это что, и есть твое извинение?

— Да, — заявил наглый представитель древних и расплылся в жуткой улыбке. — И его достаточно, чтобы ты забрала заявление.

— Чего? — Готовая растерзать грифона, я вся подобралась. — Так ты меня напугал, спутал и в кабинет утащил лишь только для того, чтобы не платить штраф в академии?

— Другое заявление, — чуть ли не по слогам произнес он и опять навис надо мной. — По факту усыпления команды королевских смертников возбуждено дело...

— И что с того? Я здесь при чем?

— При том, что в деле ты проходишь как свидетель.

— Как кто?! — Ноги подкосились, но Куль не дал упасть, зубами за платье уцепил. — Как я там оказалась? Я не писала никаких заявлений.

— Отрадно слышать, но тебя уже внесли в список. А после допроса Унг-унга еще и поместили как ценного свидетеля. К сожалению, память первого я почистил лишь постфактум...

«Растет мальчик, наглеет не по годам!» — с гордостью произнес голос, в чьей принадлежности я уже не сомневалась. Еще один грифон Тиши. Гад, не постеснявшийся подслушивать диалог нетривиальным способом — через меня.

— ...а со вторым переговорил, — произнес деятельный некромант-мумия и рецидивист. — Осталась ты.

— Что значит — поговорил? — спросили и я, и поднадоевший Эррас.

— Переубедил, — хмыкнул младший Тиши.

«Интересно как?» — хмыкнул старший Тиши, и я возмутилась:

— Мне тоже интересно, советник, честно. Но если хотите поучаствовать в обсуждении,

явиться лично.

— Дядя здесь?.. — Некромант отскочил от меня, оглянулся, не зная, куда бежать.

— Уже да, — возвестил его сородич и кровный родственник в одном лице, выходя из-за отодвинувшейся в сторону стены. Мишка, удерживающий меня от падения, тяжело вздохнул, а Гард с отчаянием выдохнул.

— Так, значит, это ты ввел всю команду королевских смертников в длительный сон? — не столько спрашивая, сколько утверждая, проговорил советник. — А Намина и есть тот самый кадет, предотвративший катастрофу...

— Дядя, вы не правы, это была отнюдь не катастрофа, а возмездие!

— За что именно вы мстите, дорогой племянничек? — поинтересовался Эррас Тиши. И удивительно, как нагловатый и эгоистичный некрмант-мумия сник под взглядом старшего и одновременно нахохлился. Право слово, как нашкодивший грифенок. Не дождавшись ответа от Гарда, его дядя обратился ко мне:

— Намина?

Задав этот вопрос, он за локоток оторвал меня от стеллажей и Куля, подвел к креслу и усадил, вручив в руки невесть откуда взявшийся стакан воды. Взять я взяла, а пить не стала.

— За вашу дочь, — пролепетала, еще не зная, что говорить и как себя вести, когда один из грифонов — по глазам вижу! — желает убить, а второй, и опять-таки по глазам видно, закружить, ибо целовать меня вредно.

— За мою Петунию? — Брови советника удивленно изогнулись, и он обернулся ко второму Тиши. — А ей разве навредили? И кто такой бесстрашный?

— Вся команда, и не лично, а косвенно, — буркнул тот в ответ.

— И как? — продолжил с ехидцей допытываться Эррас.

— Уничтожили цветники в ее саду...

На несколько мгновений в комнате повисло гнетущее молчание, и я от накала страстей все-таки глотнула воды и закашлялась, оборвав предгрозовую тишь.

— Что ж... — протянул советник, увесисто похлопав меня по спине, и походкой грача пошел на племянника, — это был неожиданный, но столь же необходимый и судьбоносный поворот. Намина участвует в играх, а ты отбываешь в Подземелье срок.

— Но...

— Отбываешь, — оборвал его дядя. — Так надо...

— То есть вы за меня не заступитесь?

— Нет. Так надо, — веско повторили ему.

— Да я не против, но не в Подземелье! Вы же знаете, как это скажется на моем эксперименте с кожей, — огрызнулся некрмант и указал на свое страхолюдное мумифицирующееся лицо.

Эксперимент?! Этот ужас — всего лишь длительный эксперимент! Я чуть не выронила стакан из рук, а старший Тиши улыбнулся:

— Да знаю. На человека станешь похожим. И попутно поймешь, что за свои цветники ты мог устроить менее масштабную расплату.

— Менее?! Да я всего на полтора месяца их усыпил!.. — вспылл Гард, взывая к справедливости, а в ответ получил суровое:

— Тебе назвать изначально запланированный тобой срок? Или сам вспомнишь?

— Помню. — И некрмант-мумия сник. Да уж, пятнадцать лет сна — это вам не шутки.

— Гард, несомненно, мне жаль четыре гектара твоих образцовых тигровых лилий.

Будучи в саду Петунии, я неоднократно восхищался ими... — постарался смягчить удар древний плут, но, получив испепеляющий взгляд из-под бровей, добавил: — Однако оставленная на месте преступления руна забвения и спрятанные под нею проклятия усугубят любое из вынесенных наказаний. Не говоря уже о шантаже одного духа хранителя и затирании памяти у другого...

Ответом ему было громоподобное хлопанье дверью, даже стекла зазвенели, а побежавший за Гардом мишка чуть по носу не получил.

— Куль, дай ему остыть, — обратился к мертвяку древний.

— Ве-е-е! — не согласился тот, стараясь лапой надавить на ручку.

— Твое право. Я лишь надеюсь, что ты не забыл, как он в прошлый раз вышел из себя.

Косолапый помнил и в дверь ломиться перестал.

— Завтрак? — предложил советник, и мы с медведем невесело переглянулись, но делать нечего, пошли.

После прощаний с домашними мне лично есть не хотелось, зверь был не в духе, а стол ломился от еды. Один лишь Эррас чувствовал себя проголодавшимся, ел с аппетитом, смотрел на нас украдкой и ничего не говорил. Позже с хитрым видом грифон отпустил медведя к Гарду, а меня провел в зал пятиугольной формы, сплошь завешанный дорогим старинным оружием с великолепной отделкой. Долго что-то рассказывал о клинках и алебардах, мечях и легких арбалетах, а в конце подвел к стойке с кастетами и метательными иглами.

— Выбирай.

— Что? Оружие для собственного умерщвления? — Последнее я произносить не хотела, но вовремя вспомнила, что передо мной древний интуит, благородная сволочь и расчетливая ехидина, а значит, все равно поймет. Так что стеснения прочь.

— Для защиты. — Плавным движением сняв со щита связку золотых игл, он протянул их мне. И пусть в темном костюме, с волосами, собранными в хвост, и мягким взглядом Эррас сейчас более всего походил на простого смертного, желающего мне помочь, а не на заразу, чьей прихотью меня унесло в водоворот стремительно развивающихся событий, я предложенное не взяла.

— Вы меня пригласили только ради этого? Накормить и обеспечить... защитой?

— Еще сад показать, — сообщил он с довольным видом под названием «Я вновь выиграл в любимой игре». Кукловод несчастный!

— И все? — нахмурилась я.

— Не только, — не стал он увиливать, прикрываясь секретностью, и произнес: — Я уверился в вашей сознательности, желании жить и, скажем так, закрыл часть видений, что до сих пор оставались неясными.

— Вы говорите о Гарде?

— Не только, — вновь откликнулся древний и по старой привычке постучал мизинцем по подбородку. Затем снял с ближайшей стены изящный кастет из дорогущего зеленовато-голубого металла, у двери, ведущей в сад, из настенных ножен выхватил кроваво-красный клинок, усыпанный черными камнями, и все это нелепое изящество протянул мне.

— Что-то не так? — ласково любопытствовал Тиши, удерживая в руках «подарки», от которых меня перекосило.

— Все. Мне не нравится ваша подборка.

— Но вы не отказываетесь?

— Если это действительно защита, — я дождалась его кивка, — не отказываюсь.

— Тогда ваш черед. Не спешите.

Я и выбрала. Легкий трехзарядный арбалет, белый кинжал-бабочку с серыми камнями на эфесе и метательные звездочки вместо игл. Этот набор мне был удобнее, ближе и роднее, что ли. Отец и брат пользовались точь-в-точь такими в своих походах. К тому же цвет стали мне всегда нравился именно своей искренней чистотой и холодным блеском.

— Щадящий набор для нежити, — хмыкнул грифон, возвращая на место, как оказалось, пропитанные ядом иглы, дробящий кости кастет и клинок, способный пробить броню каменного бородача. Я посмотрела на него с недоумением. Если кому эти игрушки навредить и могли, то только владельцу в случае пропажи. Уж больно они дорогие. Так что от своего решения я отказываться и не думала ровно до тех пор, пока Тиши не протянул ехидно: — Щадящий и неожиданно верный. Даже несмотря на то что вы проворонили мою лекцию об оружии.

— Чего?

— Это наследство Герберта Дао-дво.

— А... — захотелось немедля вернуть все на место, но мне не позволили.

— Время, — сообщил советник и за локоток повел в сад.

Вот тут уж я старалась не упустить ни единого его слова, но, к сожалению, последующая информация была бесполезной. Ибо далее шла история сада и дома, а также восхваление всего рода многоликого, коему Эррас счастлив служить. А едва мне захотелось есть, древний с загадочным видом довел меня до кареты и пожелал быстро долететь до городка смертников.

— Спасибо. — Я кивнула Гарду, вышедшему из тени деревьев, улыбнулась сопровождающему его Кулю и была такова. Вернее, загрузилась в карету, закрепила на стене сумку с оружием, пристегнула себя к сиденью и двумя руками в него вцепилась. По опыту сегодняшнего утра я уже не пыталась насладиться поездкой лежа, дабы поспать еще часок, пока четверка птицеподобных коней несет меня сквозь облака. Хватило трех синяков, сбитой коленки и ушибленного локтя, чтобы вновь вспомнить, что не все животные этого мира любят меня.

И вот когда крылатые скакуны стартовали, меня опять чуть не расплющило, но взывать к благоразумию ничего не понимающего возницы я уже не пыталась. Четверку прошлых гадов, чуть не оставивших меня без зубов, он, как и обещался, поменял, а вот кони своего отношения ко мне — нет. Они неслись как угорелые, мало реагировали на команды и еще меньше на угрозы. И ведь при рыжем Дао-дво и Тагаше Уо они себе такого не позволяли, а вот со мной — пожалуйста. При таком раскладе, голодная и уставшая от скачки, я уже не надеялась на краткосрочную остановку, однако обошлось. Крылатые плавно приземлились в маленьком городке близ большого горного озера, и я осталась жива. Выскользнув из кареты, по дуге обогнула плотоядно скалящихся скакунов и вошла в таверну.

Приземистое строение, сложенное из отполированных деревянных брусьев, грело взгляд приятным желтым цветом. Пол, мощный почти черным камнем, стулья с полосатыми подушками на сиденьях, массивные столы, покрытые белыми скатертями, создавали уют, прямо говорящий, что в этом царстве отрадного гостеприимства властвуют и мужчина, и женщина. Первое подтверждается добротностью обстановки, второе — текстильным убранством и запахами с кухни.

Возле меня остановился на удивление толстенький и в то же время прыткий мальчишка

лет двенадцати. Оборотень-волк, полукровка — догадалась я по отдающим желтизной глазам и полному отсутствию звериных клыков в улыбке. Хоть этих я различала в неисчислимом видовом разнообразии многоликих и двуликих. А в ведической школе я вообще некоторое время тесно общалась с таким же представителем недооборотней. Ровно до тех пор, пока Ошу Шулевичу не приспичило в шутку укусить меня за руку в счет нечаянно отдаленного хвоста. Еще неделю после этого меня преследовало легкое заикание, а его — кошмары о смертнесущей, что покусилась на шкуру несчастного. Правда, был в этом и плюс — я стала чаще смотреть под ноги, а он — задумываться о своих поступках.

— Чего изволите? — вывел меня из воспоминаний молодой подавальщик.

— Поесть, — улыбнулась я и присела на первый попавшийся стул. — Плотно, сытно и по возможности с десертом в конце.

— Есть тушенная зайчатина и жареный фазан, рыба в винном соусе вот-вот будет готова. Из гарниров могу предложить...

— Тш-ш! — оборвала я поток его слов, ощущая, что мой живот сейчас начнет петь оду хозяйке таверны за одни лишь запахи. — Быстро то, что готово, не требует подогрева или остужения, хоть похлебку или салат и...

— Вина?

— Воды, — попросила я. Заказ прилетел ко мне менее чем через минуту. Сытный, вкусный, горячий и оригинально украшенный. Я с писком приступила к еде. Плевать на скакунов и их норы, у меня праздник!

Еще через несколько минут ко мне подошел возница:

— Простите, госпожа, я знать не знаю, от чего они так взбеленились. Овес, что ли, со спорыньей, или в колодец упала шапочка дурман-травы. Странно это. И, ей-богу, раньше такого...

— Сядьте, Ульс, — попросила я. — Сделайте себе заказ и прекратите звать меня госпожой.

— Но как же...

— Наминой, — отрезала и беззаботно отмахнулась: — И забудьте о крылатых, они не обязаны быть в восторге как от меня, так и от дороги.

Ульс благодарно улыбнулся и последовал моему совету. Плотный, с проседью в каштановых волосах, он чем-то напоминал мне Тагаша. И не сказать, что земляки или братья, но было в них нечто родственное. Наверное, тепло, которое я ощущала как от Ульса, так и от Уо. Все-таки умеют многоликие отбирать служащих — надежных, достойных доверия людей. И то ли нюх у них на это, то ли предвиденье. Вновь вспомнила мумифицирующегося Гарда и его беседу со старшим Тиши, а затем мой выбор оружия и странное молчание грифона, задумалась.

И все-таки чего ради древний меня пригласил? Неужели только чтобы вручить чужое оружие? Глупость! Пользоваться Геровым наследством я не собиралась, голова на моих плечах мне нравится, и терять ее из-за гневной вспышки рыжего не хочется. Так что отдам «подарок» владельцу при первой же возможности, а до того приобрету новый набор в ближайшей кузнице.

Вот только желанию моему не удалось осуществиться. В этом городке проживали в основном оборотни, и оружие ковалось лишь под их руки. Потому даже дамские модели были в два раза тяжелее усложненных человеческих. Обойдя самые большие кузницы и три лавки, я, раздосадованная на неудачу, вышла под сень деревьев и примостилась на скамеечке,

в то время как Ульс выбирал подарок для друга. Солнце медленно клонилось к закату — уже не такое красное, как в Приграничье, но еще не такое желтое, как на территории Треда. Оранжевое, оно было все еще родным, но уже не настолько, чтобы чувствовать себя дома. Отвратительное состояние подвешенности при отсутствии какой-либо опоры угнетало. О таких моментах отец всегда говорил, что стержень нужно искать внутри себя, а не снаружи. Дабы никто не мог перевернуть твой мир с ног на голову без твоего на то разрешения.

Я кисло улыбнулась, наблюдая за сгущающимися сумерками, и вздохнула. Стержень есть, но сдвинуться ему позволила, видимо, я сама. Неприятность со списками игроков и затянувшееся ожидание встречи с рыжим Дао-дво лишили меня сна, не помог даже побочный эффект успокоительного. Мне опять до боли в сердце захотелось в надежные объятия отца или хотя бы прижать к груди навеки утерянного Гирби. Но ни первого, ни второго здесь нет, есть только тепло июньского вечера, темный горизонт, скамейка, деревья за спиной, стрекот кузнечиков, я и маленький ухоженный щенок в явно дорогом ошейнике...

— Вот так чудо!

Мальш тряхнул головой, так что ушки хлопнули его по мордашке, а затем переступил крохотными лапками и звонко тьякнул.

— Какой хорошенький! — Я подалась вперед, не зная, убежит он от меня или останется. — Иди ко мне, лапочка, не бойся.

Он и не боялся, и не спешил, выпятил грудку, вздернул мордочку и едва важно шагнул ко мне, как из-под ближайшего куста прямоком к моим ногам выкатился серый мохнатый комок. Котенок, крошечный совсем, худой и облезлый, с закрытыми глазками и звонким голоском, такой маленький, такой несчастненький. Но не успела я протянуть к нему руку, как щенок, начавший пронзительно тьякать на «пришельца», зарычал. Вначале тихо, а затем все громче.

— Фу-у! Плохой!

Я едва успела подобрать малыша, когда это откормленное, эгоистичное и явно уже кому-то принадлежащее животное кинулось к несчастному зверьку.

— А ну кыш! Маленькая злобная пакость. Иди отсюда к хозяину! — Он еще потьявкал на котенка, затем фыркнул, презрительно глядя на меня, и удалился с важным видом. Вот это характерец, и кто такого терпит...

— Никогда больше не буду спорить о клинках с оборотнем! — воскликнул возница, который наконец-то выскользнул из лавки и оглянулся, разыскивая меня. — Намина!

— Я здесь.

— Простите. Думал, что уже потерял вас. Простите, бога ради... — произнес он, стремительно подходя, и неожиданно остановился. Остолбенел и, забыв о нашей договоренности, ошеломленно произнес: — Госпо?..

— Ульс, мы же договорились, — напомнила я.

— Да, но... — И он перевел взгляд с котенка на меня и обратно.

— Мя-я-я, — возмутился пушистик и зашипел, распахнув светло-зеленые глазищи.

— Да, простите! — Мой сопровождающий изменился в лице, тряхнул головой и уже непривычно учтивым тоном предложил: — Пойдемте, нам давно пора отправляться.

Мы загрузились в карету, где я со всеми удобствами, а главное, безопасно расположила котенка — на коленях — и шарфом перевязала, чтобы не упал во время бешеной поездки. Но зря... Крылатые больше в галоп не срывались и расплющить меня о стены кареты не пытались. Стартовали мягко и уже через тридцать секунд неслись по небу, плавно лавируя

среди таких же карет высокородного многоликого общества.

— А ты везучий, — прошептала я, уложив кроху на сиденье возле себя. Вспомнила, что в сумке есть пара бутербродов, и предложила их малышу странного окраса. В сумерках я цвета его шерстки не рассмотрела, да и сейчас в сиянии магических светильников не могла бы точно сказать, какой он, разве что привереда. От угощения из таверны отказался, а вот от моего общества нет. Лез на руки, как ни пересаживай, а стоило мне перестать его поглаживать, начинал сердито фыркать. Смешной.

* * *

Сны, его сны опять изменились, доводя до отчаяния и иступленной ярости от необратимости событий. Раньше в них приходили красотки, жаждавшие его внимания. Манящие глаза, нежные губы, полная грудь и аппетитная попка, как пикантный штрих к изящным рукам, длинным ногам и способности изгибаться под метаморфом в самых страстных позах. Чего бы он ни добивался в реальности, к чему бы ни стремился, стоило закрыть глаза, и за все его подвиги расплачивалась какая-нибудь малышка. Позже девушки перестали являться только во снах и стали вполне реальными и земными расхитительницами его порывов, внимания и времени. Затем появилась Амидд, коей удалось завладеть им всецело ровно до тех пор, пока не случился перелом. Тот самый день авантюрного самоуправства, вслед за которым в жизнь многоликого вломилась Сумеречная. И надо отдать проклятой должное: у девчонки получилось затмить всех его бывших и, как показывает практика, будущих. Сероглазое веснушчатое безобразие с выразительным взглядом и веселым голосом, вопрошающим: «Ну, как сегодня убивать тебя будем?», — являлось к нему до сих пор. И несмотря на «давность» происшествия, оно затмевало даже последнее обрушение надежд метаморфа под весом фразы: «Хозь-зяин, это — ты».

Казалось бы, что может быть страшнее ада, который разверзся в его душе, едва затихли настороженные слова куки? Видит бог, в те тягучие мгновения ужаса Герберт Дао-дво был готов сбежать за грань и податься в слуги Тарраха. Но вот незадача: едва он об этом подумал, как рогатый Властитель преисподней предстал перед пустым взглядом многоликого и с ехидной ухмылкой заявил: «У меня к тебе претензий нет. Остаешься среди живых». И, проклятье, даже вид бездушного уroda, пожиравшего души своих подданных, не был столь страшен, как серый взгляд, с предвкушением взирающий на Гера.

Вот и сейчас, прижимаясь к камням на потолке пещеры и выжидая, когда же уйдет голодный крауг, метаморф всего на мгновение закрыл глаза и провалился в очередной липкий кошмар с Сумеречной в их последнюю связь через браслет.

— Почему ты на меня орешь?! — возмутилась девчонка, как только он ее «радостно» поприветствовал. И голос такой, словно бы не она подписала их обоих на игры Смерти, а он.

— Была бы рядом — убил бы. Вот почему!

— Прекрати! Да, я сглупила, да, подписалась зря. Но твоего имени там не было. Тебя это никаким боком не касается.

— Никаким...

Какое очаровательное заблуждение, Герберт Дао-дво и сам бы желал притвориться непрошибаемым дураком, к которому вся эта история не имеет отношения. Но... жаль, слюнопускание, подергивание конечностей и безостановочное повторение фразы «я ни при

чем!» званию тарга не способствуют.

— Тебя замкнули на мне...

Первую вспышку гнева получилось погасить и почти сразу же получить повод для второй.

— Извини, — отвечает безобразие, — но никто не виноват в том, что с тобой стряслась такая... оказия.

Оказия?! Прекрасное определение.

Он едва удержал оборот, усиленный проклятым иммунитетом к дару смертнелесущей, но внутренне все же вспыхнул, сжал кулаки и зубы. Последние — до скрипа, чем напугал беззаботную теневою, от греха подальше скрывшуюся под лежаком, но даже не насторожил проклятую Сумеречную, что бесстыдно вещала:

— Все вопросы к Тиши.

— Не переживай, с ним я тоже обстоятельно поговорю. — Глубинный рык прорывается сквозь сдавленный шепот, но поганка человеческая строит из себя глухую.

— Гер, я все обдумала и... Ты же не обязан ведь... Да?

— Прекрасная формулировка, — не похвалить невозможно, — имеется ссылка на мыслительный процесс, его результат и неуверенное утверждение, более всего похожее на вопрос. Сумеречная, ты в своем уме?

— Конечно! — радостно ответила она, и это стало последней каплей.

К сожалению, во время разговора метаморф был в лагере и чуть-чуть не в себе. Неосознанный порыв добраться до идиотки и хорошенько ее высечь пониже спины привел к тому, что взбешенный Дао-дво снес свою и все соседние палатки. Будь ночь тиха и спокойна, заметили бы единицы, а так как над поляной шел град с голубиное яйцо...

— Таррах!

— Что случилось? — вопрошает поганка встревоженно, но Гер не собирается отвечать. С трудом убирает огромные крылья, снимает с лица оборот и минуту удаляет последствия своего гнева. Разведчики группы смотрят с интересом, а командир взвода слишком пристально. Не к добру.

Злость стихает, но в каждом слове все еще слышится рык:

— А скажи-ка мне, оказия ты смертельная, кто в случае ранения на играх будет бинтовать тебя? — В ответ раздается удивленное «ой». Чтоб ее! — Я вернусь через три дня. Договорим, — многозначительно пообещал многоликий и ей, и себе.

Отключил браслет и встретил взгляд Могучего, без слов понимая — нет, через три дня его никуда не отпустят. И пока не остынет, Сумеречной ему не видать...

Так и вышло. То ли в назидание за вспышку гнева и неконтролируемый усиленный оборот, то ли в наказание за бабулю, едва не усопшую в чужом гробу, командир взвода отдал приказ отбыть на новое место учений в глубины пещер Тульрейга. Правильнее сказать — новых мучений, ибо участок располагался под живительными озерами природных слез на территории вечно голодных кравгов. А само задание предписывало Графитовым найти тайное убежище таргов. Можно было бы подумать, что командир взвода Ульям Нагс желает отомстить разведчикам-профессионалам за прошлые учения, но само задание — незаметно обползать смердящие пещеры — явственно намекало на возмездие кадетам.

Что ж, перебрав все подходящие варианты разведки, Графитовые разделились по двое и поползли простукивать каждый камень, сканировать каждую расщелину. И все бы ничего, но чем дальше вглубь, тем больше шестилапой высшей нежити и как следствие — плодов их

жизнедеятельности. В пещерах — жарко, зловоние стоит страшное, а хуже всего то, что маскировочный состав в таких условиях теряет свои свойства. Не будь с Дао-дво теновой, он бы так и не заметил, в какой момент стал видим для плотоядных тварей.

— Нонь-няин, снаги! — Разобрать голосок сквозь шум в гудящей голове и два слоя ушей, коими тварюшка прикрывала рот и нос, ему не удалось, но интонация была понятной. Многоликий успел влезть в широкую трещину и зависнуть над тропой меж каменных обломков. Замереть, не подавая признаков жизни. Первые минуты прятков дались ему легко и просто, последующие привели к кошмару с Сумеречной в главной роли, а затем и неожиданному острому уколу в области сердца. Дао-дво не вдохнул и не выдохнул, лишь внутренне сжался и почти сразу же сорвался вниз от мощного удара кравга.

Проклятье!

Будь метаморф менее занят видениями и болью, уцепился бы за выступ, уваливая от когтей шестипалого монстра. Но нет! Падая, он схлопотал вначале по спине, затем по ребрам и голове. Благодаря ли увесистой оплеухе или же смраду лужи, в которую упал лицом, многоликий быстро пришел в себя. Вскочил и, проведя серию мощных атак в стиле Могучего, он под вопль куки: «Нонь-няин, спава!» — отсек у твари три левые конечности и попал в сложное кольцо ее хвоста. От осознания неприятности, в которую влип, захотелось быть не меньше, чем монстру от кратковременной боли. Это худший из исходов. Будь Гер хоть наисильнейшим из горцев или же наиумнейшим темным искусником, ему и тогда ни за что не выпутаться из хвоста кравга. Мерзость плотоядная вяжет добросовестно, так, что не продохнуть, не пошевелиться, не перевоплотиться. Обездвиженный и придушенный Гер не надеялся на лопухую нежить, распластавшуюся под потолком, или же на Тадэуша, что уполз далеко вперед, знал — они не смогут помочь, только зазря погибнут.

Хладнокровно наблюдая за тем, как кравг съел свои обрубки, отрастил новые конечности, попутно убрав вмятины и раны, и потянулся к добыче, многоликий даже не поморщился, хоть и не был готов потерять еще одну жизнь. К такому не подготовишься. Впрочем, как и к тому, что тварь, поведя носом, брезгливо сморщится и чихнет, отшвырнув многоликий провиант на десятки метров. Это был ощутимый удар, как моральный, так и физический. Именно поэтому Гер долгую минуту лежал на камнях, прислушивался к удаляющимся шагам высшей нежити, осоловело взирал на потолок пещеры и не реагировал на сбивчивый лепет теновой, напрочь забывшей про смрад.

— Хоз-зяин, хозь-зяин, ты жив?! Ответь! — Тварька лапами вцепилась в отвороты куртки, потрясла его и отпустила. — С виду цел и невредим, из резерва силы не ть-тянет, значит, не сильно и поранился-ся. — Замолчала на мгновение, мордашку свою потерла, лоб нахмурила и как завизжит: — А если головой стукнулсь-ся?! О-о-о-ой, Божечки мои... Неужто его баранье упрь-рямство теперь в дебиловатый кретинизм перейдет с безостановочным слюнопусканием?! Хозь-зя-я-я-яин! — взвизгнула она пронзительно. — Не оставль-ляй мень-ня с овощем! Не оставль-ляй!

— Оставишь такую... — хрипло отозвался Дао-дво, — на том свете найдешь и кормить себя заставишь.

После удара он не успел восстановить птичью аносмию, нюх обострился, а вместе с ним и дурнота от смрада. Сморгнув наворачнувшиеся слезы, многоликий опять использовал способность частичного оборота и отбил себе обоняние. Как теновая терпит вонь, он не знал.

— Вернулсь-ся! Как й-я рада, как й-я рада! — Нежить кинулась ему на шею. — Божечки

мои! Живой, ехидный, не debil.

— Сам вне себя от счастья, — произнес Дао-дво, не разжимая зубов. — Кравг не съел, скажи кому, не поверят.

— Пусть не верь-рят, — решительно заявила тeneвая, воинственно расправила уши, вздернула нос и хвост. — Главное, ты уже и сам понь-нял, что кравги — существа чистоплотные, на свое дерь... на свои отходы не покушаются-ся.

— Что значит уже и сам? — спросил многоликий и болезненно скривился, высвобождая одну руку из-под себя, вторую из-под камней.

— То есть сам узнал, опытным путем. Без подсказки со стороны, точь-в-точь как ты любишь, — пространно отозвалась теньюшка.

— Таррах! Нужно срочно парням сказа... — От обжигающей колкой боли в груди Герберта опять повело. Он с трудом удержался от того, чтобы вновь не растянуться на прохладных и грязных камнях.

— Дя знают они! Я еще час назад всех оповестила, и они уже далеко впереди. Все живы, здоровы, но логово таргов не нашли.

— Не понял, — метаморф младшей ветви рода Дао-дво произнес это между приступами боли, поймав нежить в кулак и крепко сжав ее, — а ну повтори.

Осознание только что ляпнутого пришло к тeneвой не сразу, вначале она решила относительно дебиловатости уточнить:

— Все-таки крепко головой стукнулся-ся, дя?

— Дя! — рыкнул он. — Удавлю мерзавку, если не объяснишь все по порядку.

— Какому порь-рядку? — пролепетала тварюшка, делая большие глаза.

— Кука!

— Симпять-тяшка! — обиженно напомнила та полюбившееся прозвище и, безрезультатно дернувшись пару раз, засопела: — И чего ты на мень-ня рычишь? Й-я же все сделала, как ты велел!

— Что именно? — грозно уточнил Гер. Уж с этой мелочи станется заговорить и от темы увести.

— Ни разу не вспомнила о На... твоей подопечной — ни прь-рямо, ни косвенно. И про тетрадь ее навеки забыла, и про записи в ней... — И, передернув ушами, свернула их в трубочки, прежде чем заявить: — А что до парней, они не виноваты в том, что капитан Графитовых упертый как ба...

Исповедь нежити он не дослушал, все-таки растянулся на камнях, чтобы успокоить нарастающий пожар в груди. Давненько такого не испытывал, даже как-то отвык. В области сердца нещадно жгло и кололо, каждую вторую секунду омывая нервные окончания лавовой волной. Самое время пожалеть о том, что не умер. Ведь, судя по ощущениям, Сумеречную сейчас если не убивают, то точно насилюют, причем толпой. Проклятый Эррас Тиши сделал все, чтобы сигнал о покушении на ее честь девичью Гер чувствовал особенно сильно.

Многоликого от боли выгнуло дугой, не на шутку напугав тeneвую.

— Божечки мои! Хозь-зяин, прости-и-и-и-и! Прости-и-и-и-и! Й-я знать не знала, что ты так близко к сердцу...

— Кука. — Он хотел остановить поток ее излияний, объяснить причину, но не успел, получил очередной привет из преисподней. Задохнулся.

— Дя, честное слово! Если бы не знала, чего ради Могучий учений-я продлил, й-я бы никогда!.. — продолжила оправдываться бестия, вытаптывая круг на и без того пылающей

пожаром груди. — Но если уж он сомневался-ся в твоей адекватности, то что думать мне...

За уши схватилась и потянула их вниз, застыла с вопрошающим взглядом, в котором не плескалось даже капельки вины.

— Чтоб его, — прохрипел метаморф, мысленно расчлняя на составные и грифона, и командира взвода, и куку без стыда и совести. В душе стало легче, в теле — нет. Вдохнул-выдохнул и, стараясь не скрипеть зубами, связался через браслет с безобразием, из-за очередной глупости которого чуть не погиб. Сквозь треск магического гида он ожидал услышать крики о помощи, стоны и слезы, просьбы не избивать, готовился отправить на помощь тeneвую или просить о подмоге Равэсса и Бруга, но, различив веселое щебетание: «Какой ты милый! Ласковый... Хорошенький!», — понял, никого посылать не будет, сам... убьет.

— Сумеречная! — взревел Герберт, на собственной шкуре ощутив «милоту» неизвестного. — Таррах тебе в плотку!

— Дао-дво? Ты почему орешь? Ночь, между прочим. — Она еще удивляется!

— И с кем ты ее проводишь? — Он с трудом расцепил зубы, дав знак тeneвой проверить девчонку. Но та с места не сдвинулась.

— Ни с кем, — отрезала поганка.

— Лжешь. Я собственной шкурой чувствую!

— Чего?! Ты в чем меня обвиняешь? — Секундное замешательство и возмущенное: — Я не нарушала условия пакта о НЕраздражении!

— В таком случае прямо скажи, чем ты там занимаешься, — потребовал метаморф, поднимаясь на ноги.

— Пытаюсь уснуть!

— Да? А в роли милого и ласкового у тебя подушка или одеяло? — сыронизировал Гер. Жар в его теле растворился без следа, покальвание сошло на нет. После лавовой волны остался лишь привкус металла во рту и звон в голове. Все-таки он хорошо ею о камни приложился.

— Нет... — шепчет некромантка доморощенная, — котенок.

— Таррах! Открой голову этому... котенку!

— Зачем? У тебя на них что, аллергия?! — и столько удивленного сожаления в голосе, что дурой назвать язык не поворачивается, а вот жалостливой идиоткой вполне. — Ой, я забыла!

Что именно забыла, она пояснять не стала, зато уверила, что метаморф более о животном не вспомнит. Точно дура!

Жаль, переместиться и оторвать головы обоим он не мог.

— Намина, мне плевать, что ты сейчас сделаешь, но чтобы этого кота в комнате не было. Поняла?

— Да.

— Исполни. — Он отключился, поминая Тарраха и всех его приближенных. — Кука, — рыкнул так, что тeneвая не посмела напомнить о Симпатяшке, — проверь, что за тварь в ее спальне, и изолируй.

— Не могу, хозь-зяин, — пролепетала тварька, не отрывая опасливого взгляда от развилки пещеры. — Й-я тебь-бя сейчас не брошу.

— Это еще почему? — Разведчик потянулся, разминая мышцы, и замер, услышав тихий стрекот и настороженное: «Сейчас поймешь». Он и понял, в очередной раз прощаясь с

жизнью. — Таррах... Могучий — редкостная мразь!

— Еще какой-я, — вздохнула лопухая, — стоило мне похвастать знаниями-ями На... — осеклась и быстро исправилась: — твоей подопечной, как он решил все перепроверить.

— Что?

— Дя-дя, точь-в-точь как ты и любишь — опытным путем решил перепроверить, правда, на чужой шкуре. — Нежить взлетела на плечо Дао-дво, свернула заблаговременно уши и проговорила: — Понь-нять не могу, это он за оборот твой мстит или за Евласию с таргами? — Ответить многоликий не успел, да и она не ждала его слов, просчитывая, откуда на них выползет каменный бородач, справа или слева, коротко инструктировала: — Бей снизу, между третьим и пь-пятым ребром, так чтобы задеть воздушный мешок.

С сожалением вспомнив, что свои ножи еще на прошлом учении сточил, а отцовский бронбойный клинок оставил в долине Дельи, Гер заметил:

— Это бородача не убьет.

— Зато лишит голоса и отобьет аппетит, — парировала кука и уверенно заявила: — Молодой слева, старый справа.

Двое?!

Глава 2

В том, что день не задался, я должна была уверовать, как только получила приглашение Тиши, несмотря на отсрочку встречи с рыжим. Вредные птицеподобные скакуны, столкновение с Гардом, вынос чужого наследия из дома в долине Дельи, опять скакуны, кузни с неподходящим товаром, злобный щенок и бедняга котенок. Хотя... тут я привираю, последний мне пришелся по душе, в особенности его влияние на птицеподобных. И не знаю, почему остальные столь странно реагировали на беднягу, я была им довольна. Честно, очень довольна. Маленький, хорошенький, ласковый и такой ранимый. Он фыркал и мяукал каждый раз, стоило мне на шаг отойти, и грозно шипел на всех встречных, опасаясь за мою жизнь. Особенно громко котенок злился на привратников, попытавшихся забрать его у въезда в городок смертников.

Видите ли, игрокам на тренировках запрещены помощники, участвуют только члены команд. На что я со смешком объяснила, что он мой фамильяр, ангел-хранитель или хранитель снов. Последнее сравнение их весьма позабавило, а кого-то возмутило, однако позволило проехать и мне, и моему питомцу.

Но чем дальше в лес, тем больше дров — день действительно не задался. Вначале возникли проблемы с заселением, затем с расписанием, а едва я появилась на полигоне и поздоровалась с ребятами, профессор Тельятти То отправил меня назад. В комнату, как провинившуюся девчонку, которую никто не навестил потом. Ни временно порыжевший Бруг, ни Равэсс, ни Сули, прибывшая на вечернюю тренировку. Раздосадованная и возмущенная, я не спустилась на ужин, благо бутерброды из таверны были все еще со мной. Затем — чтение неприкаянных книг об играх, быстрая подготовка ко сну и... Наверное, лишь выйдя из ванной комнаты и быстро просушив волосы, я заметила, что мой гид на запрос о расписании не ответил.

Вот это новость!

Подняла браслет с кровати и повторила запрос. Молчит, зараза магическая. Именно поэтому последующие полтора часа я провела за разбором полетов с гидом по книге нашего декана Горрана, попутно каждые пять минут снимая с себя котенка. Кроха все время мерз и лез вначале на колени, затем на руки, а после за пазуху. Дважды я перехватила его на груди за мгновение до заветной цели, в третий раз положила на подоконник, пригрозив расправой. Неосознанно использовала отработанную на Гирби угрозу: «Геру сдам!» Думала — не поможет, но малыш моим обещанием проникся, затих.

Еще несколько минут ушло на настройку гида, и наконец он пиликнул, сообщая о своей работоспособности. И не успела я уточнить расписание на завтра, как комнату наполнил гомон встревоженных голосовых сообщений или, вернее, требований на тему: «Ты где?», «Куда запропастилась?!», «Намина, ответь!», «Ты слышишь нас?», «Поддай хоть какой-то сигнал...», «Сумерька, ты жива?» и последнее, не менее исполненное чувства от Равэсса: «Гер нас убьет!» — и нестройным хором многоголосое «Ага». Минуту или меньше я недоумевала, зачем им потребовалось меня искать, а затем с искренним изумлением увидела, как по схеме гида разноцветные стрелочки моей новоявленной команды стекаются в одну точку на периферии городка, к уютному одноэтажному домику с красной крышей, куда сегодня заселили меня.

— Мамочки! — подумала я, а затем уже и прокричала, когда в моей спальне выбили

дверь, затем все три окна, а после и заслонку в камине, что чуть было не пришибла меня

— Намина!

— Сумерька?!

— Зараза!

— Малолетка...

— Сопля!

— Да мы тебя...

Полетело со всех сторон, пока я приходила в себя от ужаса при виде взмыленной рогато-хвостато-крылатой команды бывших запасников, а ныне действующих смертников королевства.

— Тихо! — прошипел самый грозный из монстров голосом Его Высочества и, отбросив заслонку, пойманную у самого моего лица, решил лично завершить начатое ею дело. — Намина, — позвал он. «Й-ик!» — отозвалась я. — Скажи нам, пожалуйста... каким образом ты оказалась здесь... — и чтобы я не смела задать вопроса — «где здесь?», — добавил: — На открытом боевом полигоне горцев?

Что значит его «открытом», я тоже спросить не успела, ибо оказалась в когтистой лапе твари из преисподней, коей обернулся грозно шипящий принц, и услышала:

— Они эти домики под основание сносят! Чем ты думала, заселяясь сюда и отключая браслет?! Хочешь моей преждевременной смерти...

— Да мы... как бы и так уже сме... — попыталась я перевести все в шутку, но, видимо, поспешила.

— Таррах, Сумерька! Гер и без того бешеный! — упрекнул многоликий и выдохнул, словно бы прописную истину. — Никого не пожалеет.

На этом разъяснения завершились, последовали команды:

— Немедленно встала, собралась и пошла на выход!

— На сборы времени нет... — произнес кто-то из чудовищ, выглянув в окно. — Уже пустили вспышку...

— Да чтоб их!

Мгновение. Я помню точно, что прошло всего лишь мгновение и домик сотрясло, а затем... Не знаю, как они успели, но я неожиданно оказалась снаружи со всеми своими вещами, стоящая на холодном ветру и взирающая на то, как уютный домик с красной крышей вспыхивает голубоватыми разрядами молний, разламывается на куски и уходит под землю, сопровождаемый довольным рокотом фурий. Черные тени с блестящей чешуей, смертоносные и неуловимые. И я вижу их в ночи, потому что разруха и пожарище объединяют целый квартал окраины, где ранее стояли такие же уютные домики, как мой.

Тяжелый вздох вырвался невольно.

— Уходим, — приказал Равэсс и, закутав меня в одеяло, взмыл вверх. Перелет был коротким, разговор на сон грядущий еще короче. К тому моменту парни уже разместили меня в одной из четырех спален нового двухэтажного домика, внесли вещи в спальню и удалились, оставив принца для назидательных бесед. Правда, Его Высочество меня не отчитывал и не ругал, всего лишь посмотрел сурово сверху вниз и потребовал:

— Из дома без сопровождения ни ногой.

— Но...

— Сумерька... — начал принц, но я ему договорить не позволила.

— Объясни почему. Просто объясни. Пожалуйста. С остальными вопросами я, так и

быть, до утра повременю.

— Городок полон соглядатаев, — сжалился он.

— И что с того? — Я зевнула, кутаясь в одеяло и поглядывая на свою новую спальню, теплую мягкую кровать, одеяло, подушки... — Подумаешь, зрители.

— Соглядатаи, Сумерька, агенты короля, и не только, — поправил меня принц и, как родной брат, потрепал по голове. — Спать ложись, пропажа. Завтра рано вставать, выслушивать нотации, и не только.

Однако едва он улетел, лечь мне не удалось. Они забыли котенка! Маленького кроху с бронзовой шерсткой и невинным взглядом... Поиски теплого комочка среди моих вещей и долгие призывы пушистика привели к тому, что спать я легла лишь через час в расстроенных чувствах. И неожиданно он появился! Возник из ниоткуда, плюхнувшись на мою кровать, и замыкал, подбираясь ближе.

— Вернулся! — в первое мгновение подумала, что мне показалось, а потом, что я придушила зверька от счастья. Даже послышалось сдавленное: «Пусти!» — Что-что? — А он закаплялся и затем с удвоенной силой замурчал. — Какой ты милый. Ласковый. Хорошенький!

Я была уверена, что все ужасы этого дня позади, и, поглаживая кроху, уже почти забыла о невероятных происшествиях, как вдруг...

— Сумеречная, Таррах тебе в глотку!

Милостивый Боже, за всеми событиями я совсем забыла о рыжем, скорой нашей встрече и ее крайней нежелательности ввиду быстро развивающегося бешенства у Гера. А как еще объяснить едва меня не оглушивший рык многоликого: «Лжешь. Я собственной шкурой чувствую!»? Или, например, его непереносимость котенка и предложение открутить крохе голову?! Да ни за что! Если у него аллергия, пусть лечится и не делает из меня котоубийцу! И только я решилась все это ему сказать, как вспомнила, что успокоительное сегодня не брала. Как представила, что метаморф ощущал за эти сутки, так дурно стало. Вот теперь он меня без разговоров убьет! Не зря смертники его опасаются.

— Ой, я забыла! Я забыла! Прости, пожалуйста. Я действительно совсем забыла, — отложив в сторону котенка, побежала искать нужный состав. — Право слово, день тяжелый, суматоха со сборами и... — Тут я искренне пообещала, что более он не вспомнит о котенке, а Дао-дво чуть ли не зубами скрипит.

— Намина... — Вот от гнева даже имя мое вспомнил! — Мне плевать, что ты сейчас сделаешь, но чтобы этого кота в комнате не было. Поняла?

Я оглянулась на застывшего пушистика и расстроено протянула:

— Да, — даже не представляя, куда деть малыша.

— Исполни, — рявкнул рыжий и отключился.

А дальше как в поговорке: «Легко сказать, но сложно сделать». Котенок сопротивлялся изо всех сил и не желал спать в ванной, на балконе, в сундуке у кровати или на подоконнике дальнего окна. Фырчал, сердился, жалобно мяукал, вновь и вновь предпринимая попытки сесть мне на шею. Пушистый террорист два часа не поддавался уговорам, не хотел ни пить, ни есть, смотрел жалобно и требовал свое. Честное слово, не был бы таким маленьким, посчитала бы, что он тот еще вредина, прощельга, шантажист и доброго отношения не достоин. Но так как он всего лишь капризный кроха, измученная я со всеми удобствами закрыла его в кладовой, предусмотрительно наложив на дверь сеть некроманта, звуконепропускаемое заклинание, а еще ловчую. И весьма удивилась поутру, не обнаружив

пушистика на месте. Заклинаний сети и ловчей нет, котенка тоже нет.

— Сумерька, — Бруг, пришедший меня будить, спросил с усмешкой: — Ты почему там застыла? Возрожденного духа увидела? Или потеряла вчерашний день?

— Потеряла, — прошептала я, — но не день. Котенка.

— Игрушку?

— Нет, живого.

Все еще золотисто-рыжий и улыбающийся Тугго замер и воздух носом потянул, посмотрел на меня, затем в пустоту кладовой, медленно вскинул брови.

— Галлюцинации с утра в начале тренировок... это что-то новенькое, — и, аккуратно развернув меня к себе, произнес: — Сумерька, здесь не может быть котят. Тем более живых. Вся местная живность — это нежить или плотоядная фауна, весьма недружелюбная, надо сказать.

— Но он был не здешний, я его привезла.

— Шутишь? Тебя бы с ним не пропустили за ворота, — отмахнулся Кардинал и подтолкнул меня в направлении двери. — Прости, но со своими видениями ты разберешься потом. Время не ждет.

Точь-в-точь так же думали и остальные смертники. Они и ели быстро, уминая внушительные порции и коротко перебрасываясь на первый взгляд ничего не значащими фразами, но если прислушаться...

— Западные ворота так же просматриваются. — Консул резкими движениями смешивал салат на своей тарелке.

— И комнаты? — спросили у него. Кивнул.

— Все? — изумился принц.

— Даже Сумерьки, — на меня резко махнули ложкой, от чего салата на моей тарелке стало больше. — Хотя мы ее вчера и в самый последний момент переселили. Все смотрят.

— Уроды! — прорычал Бруг, вгрызаясь в здоровый бутерброд. — Что делать будем?

— Предлагаю раз и навсегда излечить городок от глазастой болячки! — Хан кровожадно посмотрел на нож в своей руке и, перехватив его удобнее, сверкнул желтым взглядом. — Так сказать, вырезать.

— Нельзя, — решительно отсек его предложение Равэсс, — мы не знаем, какие твари удостоились чести наблюдать за нами, а это не гарантирует, что их уничтожение пройдет тихо. Нас заподозрят.

— И что? — возмутился скиф.

— И подставят, как команду горцев на прошлых играх. Думаю, вы все помните тварей из преисподней, которые ими закусили.

Смертники приуныли, я же от видений первой встречи с багряноволокным Аквиусом Авуром вздрогнула и начала понимать обсуждаемую тему.

— За нами следят?! — попыталась привстать, но меня тут же осадили.

— Тихо! Ешь... — Герцог, сидящий справа, добавил мне салата, Барон слева нарезал мясной пирог, а Его Высочество, перегнувшись через стол, вручил мне вилку. — Кушай, не отвлекайся на всякие глупости.

— Но... — хотела возмутиться и услышала знакомое: «Конфетку?» Спросил Равэсс, а за сладким в карманы потянулись все. Я быстро вспомнила, какой гадостью они решили меня угостить, и отказалась: — Нет, спасибо.

— Так что делать будем? — вновь подал голос Бруг.

— Тренироваться, — ответил принц.

— А должники нашей Суме...

— Следи за языком, — оборвал оборотня метаморф и покачал головой. — Пусть и далее думают, что ее участие — это следствие жалости к Графу и никакой не расчет.

— Так все равно поймут, — не согласился с ним молчавший до сих пор Канцлер.

— Чем позже, тем лучше. И пока Гер не прибудет, ее на тренировки не берем. — Строгий взгляд на меня и в приказной форме: — Пожалуйста, сама не приходи.

— Почему? Неужели я не могу быть даже слушателем или советчиком по борьбе с нежитью?

— Не можешь, — отрезал он. — По официальным данным декана факультета Темных сил, ты невеста Дао-дво, нечаянно попавшая в списки. Нелепая случайность и маленькое безрассудство влюбленной.

— В смысле, влюбленной?

За столом стало тихо, взгляды всех сосредоточились на Равэссе. И вот что странно, Барон опустил руку на мое плечо, пригвождая к спинке стула, а Герцог на колени, прижимая к сиденью. И отчего у них такая уверенность в том, что последующая информация мне совсем не понравится?

Капитан команды сглотнул, медленно растянул уголки губ и, подавшись вперед, доверительно сообщил:

— Ты просто отчаянно не хотела расставаться с ним даже во время игр.

— И это официальная версия Довара Горрана?! Но это неправда! Я...

— Конфетку? — предложил многоликий, на корню оборвав все мое возмущение.

— Нет, спасибо.

Заметив любопытные взгляды со стороны прочих групп, с трудом погасила вспышку и с остервенением посмотрела на собственную тарелку. И меня тут же перестали удерживать на стуле. Обидно до слез, до зубного скрежета, до бессознательного произнесения проклятья. Я из лучших побуждений, пусть и ошиблась немного, а они, неблагодарные, вот так обернули все!

Благородные сволочи!

— Не шипи. — Команда поднялась из-за стола и, собрав посуду, направилась мимо мойки на выход, рядом остался Равэсс. — Чтобы уберечь тебя от... от многого... мы иначе не могли.

— Ясно.

— Сумерька? — позвал он тихо.

— Не переживай. Иди.

— Найдешь, чем себя занять?

— Несомненно...

Многоликий ушел, а я осталась сидеть.

Есть не хотелось, на душе кошки скребли, и даже крошечное утешение — пушистик — от меня сбежал. Не удержалась, шмыгнула носом, чем привлекла очередной всплеск интереса у окружающих, и поняла, что сейчас разрежусь. А это вам не просто пара слезок, а целый океан, ведь здесь нет ни отца, ни брата, чтобы меня успокоить. Опозориться повторно я не хотела. Стремительно поднялась, отнесла на мойку тарелки и прямо-таки вылетела из столовой. Очнулась уже в парке на зеленой траве под раскидистой осиной, где совершенно неожиданно раздалось тихое «мяу». Я не поверила своим ушам.

— Кис-кис?

— Мяу...

— Пушистик!

Слезы и обиды забыты, возмущение и досада развеялись как не бывало, я ринулась к кустам, из которых доносился глас самого везучего зверька на свете, и с воплем: «Вернулся, маленький мой!» — прижала его к груди. Казалось, это мгновение счастья нашего воссоединения будет длиться вечно и не завершится никогда. Но как же я ошибалась. Не прошло и минуты, как совсем рядом прорычали:

— Сумеречная, твою ж!

* * *

Напиться до безрассудства и полнейшего беспамьятства после Гер мечтал не первый день, но только сейчас ощутил, насколько истосковался по черному хмелю, вышибающему дух. Нет, ранее ему так же сильно хотелось надраться, чтобы горло обожгло жидким огнем, чтобы нутро взорвалось искрами, а в голове посветлело и стало легко, безоблачно и абсолютно плевать на все. На смертьнесущую поганку, на его участие в играх Смерти, на Могучего и его задание, на таргов и их заманчивые предложения покинуть академию и взвод. Позже хотелось надраться, чтобы совсем не чувствовать смрада пещер, затем, чтобы отметить свое спасение от кравга. Всего минуту назад многоликий мечтал отключиться в пьяном угаре, дабы не наложить руки на себя, раз уж до доморощенной некромантки и ее кота не дотянуться. Но вот сейчас он отчетливо понял, насколько несущественным было его желание потерять связь с реальностью.

Таррах!

Гер с рождения знал, что ему сопутствует удача, что там, где другой не пролезет, он, метаморф младшей ветви рода Дао-дво, пролетит. Собственно, так всегда и получалось, за что он и заработал признательность Тагаша, индивидуальную подготовку у Сули, «догляд» за кузенами, звание капитана команды Кра... Графитовых, разрешение Довара Горрана на свидания с его дочерью и опеку над Сумеречной... И последнее, по всей видимости, исказило его судьбу, на корню уничтожив прежнее везение.

Из ответвлений пещеры Тульрейгга ему навстречу вышли не просто два каменных бородача помоложе и постарше, а мать-основательница колонии и ее набирающее силу дитя. Иными словами, многоликому посчастливилось встретить двух разумных тварей, одна из которых обладает внушительным опытом, вторая — бесстрашием и силой. И не нужно считать, что этот малыш, так похожий на бородастую божью коровку весом всего в пятьдесят килограмм, не опасен. Ему вполне под силу обезглавить жертву слетевшей со спины каменной пластиной, которая бумерангом вернется назад вместе с отсеченным трофеем.

— Проклятье... — одновременно выдохнули метаморф и его прирученная нежить, с оторопью оглядывая новопривывших.

— Хозь-зьяин, он самец, — прошептала теневая.

— Паршиво, — выдохнул Гер, обдумывая, куда ступить, чтобы первый удар бородача прошел мимо.

— И он учится охотиться-ся.

— Твою ж! — Дао-дво застыл. Если детеныш только учится, значит, бить будет по всем

движущимся мишеням независимо от того, летят они на него или от него. И возникает вопрос: — Теневая, а Могучий о бородачах знал?

— Не-а.

— Что, даже тарги ничего ему сообщить не соизволили?

— Все, что они сказали, так это: «Последние из посетивших тайное убежище вот уже шестой день не выходят-дят на свь-вязь».

— Догадываюсь почему...

— Й-я тоже, но все еще надеюсь, что Червь жив, — вздохнула лопухая и на удивленный взгляд многоликого произнесла с укором: — И не смотри так. Ранее он часто навещал Дульку, что поделаешь, й-я успела к нему прикипеть.

— А больше ты ничего не успела? — поинтересовался разведчик, отслеживая каждое движение переговаривающихся... жуков. И, аккуратно вынимая из нарукавника клонирующую иглу, уточнил: — Тетрадь полистать, почитать об особенностях боя с этой нежитью?

— Так ты запре...

— Кука! — Гер сжал зубы до скрипа.

— Симпять-тяшка, — напомнила нежить и нагло спросила: — И что й-а за это получу?

— Пару-тройку подзатыльников. — Нашла лопухая время для торга!

— Не прельщает. Может, один день отпуска?

Да чтоб ее! Он не ответил, зыркнул грозно, вогнал иглу в свое бедро. И уже двадцать три рассерженных Дао-дво, едва уместившиеся в пространстве пещеры, рыкнули, держась за ногу:

— Выкладывай, что знаешь!

Будущий производитель колонии бородачей, подметив увеличение численности многоликих, приободрился и взялся за обезглавливание добычи, отправляя в полет по две пластины разом. Но клоны на то и клоны — они не падали замертво, не теряли голов и продолжали со злостью коситься на свое пустое правое плечо, сжимая зубы и кулак свободной руки. Бородатый недоросль злился и вздрагивал, издавая неприятный стрекот, в то время как его родительница внимательно смотрела на настоящего метаморфа. Приподняв пластину, она словно бы держала его под прицелом. Да, в том, что мать-основательница уже сталкивалась с разведчиками и знает, как действуют их побрякушки, сомнений не возникало, впрочем, как и в том, что Гер не уйдет отсюда живым, пока кука намеренно тянет время.

— Если не отпуск, тогда золотое слово. — Лопухая гадость уверенно выторговывала себе блага.

— Живо!

— Ладно-ладно... только ради твоего спасений-я! — взвизгнула она, когда пластина пролетела над ее головой, чтобы рассечь клона, стоящего справа. — Малыши не умеют различать настоящих сородичей от морока или отражений-я в воде, а взрослые, как й-я уже говорила, ничего не видь-дят снизу.

— Не понял. — Гер пригнулся, уходя от каменного «бумеранга», посланного уже в него, и клоны повторили движение, несказанно обрадовав недоросля. Бородач почувал азарт и приблизился, а мамаша его напряглась, подняв еще одну пластину.

Разумная тварь — это та еще тварь!

— Ну, отец На... Намины изгонь-нял молоднь-няк при помощи многочисленных зеркал, установленных в пещерах, а тем, что постарше, снизу пробивал воздушный мешок.

— Зачем? — Спасая свою голову, многоликий сделал кульбит назад, упустив момент, когда игла выскользнула наполовину и клоны стали полупрозрачными.

В этот миг Дао-дво и будущий производитель колонии высшей нежити столкнулись взглядами, а кука произнесла:

— Чтобы не успели молоднь-няк вразумить и подать остальным тревогу.

Что ж, Гер не стал уточнять, почему так, а не этак и зачем бородачей оставлять в живых, он начал действовать.

— С мелким разбираешься ты. С мамашей — я.

Выдернув из ноги клонирующую иглу, он вручил ее куке и... Многоликий хотел исчезнуть, чтобы подкрасться к самке, хотел перевоплотиться в какую-нибудь юркую пичугу, в крайнем случае в шмеля, но не успел. Упал как подкошенный от очередного огненного укола, вспоровшего грудь.

— Таррах!

— Хозь-зяин?! — завопила нежить, хлопая ушами и уворачиваясь сразу от четырех пролетевших рядом пластин. — Хозь-зяин, не время-мя лежать!

— Ты так думаешь... — из-за нового приступа боли его рык завершился скрежетом зубов. — Твою ж! Чтоб эту Сумеречную... и нашу связь...

Лопоухая наконец-то сообразила, что к чему.

— А-а-а-а! Миленький, держись! Й-я сейчас. — Она уже обернулась чьим-то кошмаром, невероятно похожим на бородача, напоила иглу собственной кровью и с воплем «ай-йя!» кинулась на недоросля. Нападения двадцати трех невесть откуда взявшихся сородичей мелкий не ожидал, его воинственный стрекот испуганно оборвался на высокой ноте, а затем начал стремительно удаляться от места встречи.

— Получилось, — недоверчиво прошептал Гер и скосил глаза вправо. Получилось, но не все. Самка осталась. Она уже подала сигнал детенышу и нацелилась на голову неподвижного Дао-дво. А ему ни подняться, ни перевоплотиться, нутро до сих пор выжигает лавовым потоком.

Проклятье!

Захотелось связаться с причиной жгучей боли и произнести всего одно слово «стерва», ладно, два слова «я вернусь». Хотя если подумать, то на основе лишь этих двух слов вся гамма снедающих метаморфа чувств не будет охвачена. Поэтому он продумал краткое, но емкое послание: «Я вернусь, стерва, и ты пожалеешь!» Просто, звучно, многообещающе — такое надлежит передать перед потерей второй жизни, подумал Гер и движением скрюченных пальцев связался с Сумеречной. Он ожидал услышать очередное: «Миленький, маленький, дай тебя потискаю!», как вдруг в пространстве отчетливо и раздраженно прозвучало ее:

— Сиди здесь. Трем-Мирес мардо Нурге-тто!

Два плетения были сильными и без того, но произнесенные вслух, да еще подпитанные гневом смертьнесущей, стали мощными настолько, что реализовались отнюдь не близ оказии, бывшей безобразием, а здесь, в пещерах Тульрейгга. И под ошеломленным взглядом многоликого белая плеть ловчей и зеленая сеть некроманта переплелись широким ковром и плавно опустились на самку каменного бородача, оглушив и обездвижив не ожидавшую такого подвоха нежить. Связь оборвалась. Гер судорожно сглотнул подступивший к горлу ком, откинул голову на камни и прикрыл глаза. Теперь прародительница колонии каменных бородачей его убить не сможет, как и подать сигнал тревоги.

Повезло.

Гер прекрасно это понял, зажмурился, сжимая руки в кулаки, и медленно выдохнул не только воздух из легких, но и выжигающую боль из тела. Фортуна не отвернулась от него, всего лишь подразнила переменчивостью ветреной любви. Какое счастье, что он решился напоследок сказать девчонке пару-тройку слов. Какая удача и вместе с тем безрассудство. Гер медленно сел, выждал немного, затем с трудом поднялся и позвал теневою. А дальше... неровный шаг, нетвердая опора... щелчок — и мир перевернулся и захлопнулся над ослабевшим метаморфом крышкой каменного гроба.

— Таррах! — ругнулся он и сам себя мысленно обозвал идиотом. А кто еще, оказавшись в логове кравгов и, как выяснилось, месте обитания каменных бородачей, будет болтовней привлекать внимание оголодавших тварей. Их же тут полным-полно. И действительно, не успел его голос отразиться от стен ловушки, как в углу, что-то скрипнув, медленно сдвинулось, и настороженный голос спросил:

— Дао-дво, это ты?

— Я, — выдохнул многоликий, усиливая зрение и подаваясь чуть вперед. Крышку люка он заметил не сразу, хорошо замаскированная, она пряталась в глубине трещины. Взгляд скользнул по окровавленному лицу, подбитому глазу и почти полному отсутствию волос на голове Арванса Гоя, лучшего выпускника военной академии Треда. — Червь! Живой?..

— На последнем издыхании, — отозвался тот и сильнее распахнул люк.

В низком помещении, более похожем на клетку, а не на убежище, помимо Гоя, оказались еще двое разведчиков, покинувших стены академии в прошлом году. Кузены Ирвинг и Крауш Хакки. Изможденные, голодные и обессилевшие от тренировочных боев, что устраивала для своего отпрыска прародительница бородачей, они с трудом двигались и ругали самку.

— Разумная тварь!

— Она знает, где рычаг, открывающий спуск в убежище, — признался хмурый Червь, помогая своим парням устроиться на полу. — И если ты оставил ее наверху, скованной всего лишь сетью некроманта... она вскоре спустится сюда.

— Вряд ли. — Дао-дво вручил ему свою флягу с водой.

— Уверен? — голоса троицы прозвучали недоверчиво и хрипло.

— На все сто процентов. — Гер улыбнулся. — Пока она выпутается, найдет перепуганного недоросля и объяснит, что за ним никто не гонится, пока соберет подкрепление и вернется сюда... У нас больше часа.

— Как тебе это удалось?!

— По правде сказать, нечаянно.

— Но удачно. Мы ожидали увидеть бородача, а не тебя. — Ирвинг передал воду Краушу и устало откинулся на стену. — Это было ее время.

— Если она приходила по расписанию, что же вы не выбрались в промежутках между визитами?

— Кравги. — Червь скривился. — Они охраняли нас, как мышек для опытов. Трое в главном коридоре и по одному в каждом из ответвлений. Увидев тебя, Герберт, я уже решил, что схожу с ума. И, кажется, все еще брежу... — произнес он хриплым голосом, скосив глаза на потолок. Прищурился, а затем удивленно воззрился на самого Дао-дво: — Это что, теньвые?

Многоликий проследил за его взглядом и в просвете между стеной и крышкой заметил восторженную куку и двадцать два ее не менее восторженных лопоухих клона.

— Хозь-зяин, живой! Невредимый и с головой... Миленский! — Нежить выдернула из лапы иглу и уже в единственном числе кинулась на шею метаморфу. — Родненький! Й-я так переживала, так спешила, а ты... — и с огромным недоумением: — Не только отбилсь-ся, но и спрь-рятьатьсь-ся смог!

— Смог, — согласился Гер, думая, чем бы оторвать или отвлечь от себя это мелкое недоразумение.

— Как же ты смог на нее сеть накинуть?! — продолжила она, отбив его руки и еще крепче вцепившись в шею Дао-дво.

— Долго рассказывать, — да и не собирался Гер ничего говорить при посторонних.

— Сам говорил: простой разведчик, ничего такого не... — на этом ее увещевания резко оборвались. Теневая наконец-то оглянулась и замерла. Краткое затишье перед бурей, а затем пронзительный вопль: — Ты нашел убежище таргов! Мы справились с заданием! Хи-хи-хя! — Всего на мгновение она отцепилась от метаморфа, а затем с еще большим рвением ухватила за отвороты его куртки, встряхнула с невиданной силой. — Теперь ты просто-таки должен, объ-бязан отпустить мень-ня на... — Далее она столкнулась взглядом с застывшими на полу разведчиками и окаменела как изваяние, с восхищением взирающее на лучших выпускников академии. Хотя, вернее сказать, смотрела она лишь на Червя и от нахлынувшей радости сжимала в объятиях шею Герберта.

— Теневая... ослабь хватку.

— Прирученная кука? — удивились разведчики.

— Симпять-тяшка, — представилась она троице, не отвлекаясь от созерцания и удушения, которое еще и оправдала. — И лучше тебя-бя душить, ему больше досталось. — Короткий кивок на изумленного Арванса и с придыханием: — Правда?

— Кука... — прошипел Дао-дво.

— Симпять-тяшка, — не сдала она своих позиций и вновь вспомнила о вредной привычке не вовремя вести торг: — А не хочешь звать, как прошу, значит, й-я беру второй выходной...

На этом заявлении многоликий все-таки оторвал ее от себя, прохрипел:

— Повтори, что ты сказала.

— Что сказала, то и повторю. Первый выходной завтра использую, второй — когда придется-ся. Дя-дя, и не смотри так на мень-ня. Заслужила!

И ответом на непроизвольный вопрос «чем заслужила?» стал скрип каменной крышки «гроба» и явление Графитовых, чьи возгласы удивления перекрывал громкий голос Могучего:

— Крис, держи крышку! Тадэуш, укрепи сети на самке. Но, смотри мне, ничего ей не повреди! Таррах, ну от вас и разит! Какого... вы в дерьме вымазались с ног до головы?

В ответ раздалось веселое:

— Бодрит!

— Морщинки разглаживает!

— И нюх отбивает!

— Идиоты! — усмехнулся Гер одновременно с командиром взвода. Если для спасенной троицы такое общение с Ульямом Нагсом было удивительно, то для него не ново.

— Нечего ухмыляться, — оборвал смешки Могучий, их общий тиран, отец и друг. — Всеволод, за коридором следи, нам еще отступать. — И, спрыгнув вниз, он осмотрел выдолбленный в скале каменный мешок, потом гордо произнес: — Дао-дво, Таррах тебе в глотку! Ты опять справился, поганец!

— Не поганец и не он один, — тут же вклинилась нежить и, взмахнув ушами, проникновенно так спросила: — Уговор помните?

— Помню, помню. Доказала, он в себе, можно отпустить.

— Спасибо!

— Пожалуйста, — расплылся Могучий в улыбке и тут же ее стер. — Хватит лыбу тянуть, лопухая. Сматывай, давай, на свои каникулы. Гер, ты — следом, до окончания королевских игр свободен. — И, уже не обращая внимания на недобрый прищур капитана Графитовых, Нагс обратился к спасенным: — Арванс, Ирвинг, Крауш, с возвращением в мир живых...

Пожалуй, будь метаморф младшей ветви Дао-дво за последний час не так часто и не так близко от смерти, он бы радовался, как и вся его команда, завершению задания, возвращению на поверхность и успешному окончанию учений, но не мог. Именно поэтому многочасовой путь в городок смертников многоликий провел в угрюмом молчании, просчитывая, как поведет себя при встрече с Сумеречной, что скажет ей и о чем умолчит. Пока умолчит, временно, ибо признаться в том, что она ему жизнь сохранила, он мог лишь себе, и то мысленно. Все же поначалу ее нарушение пакта о НЕраздражении чуть не привело Гера к гибели, а уж потом от нее спасло.

Но стоило достигнуть ворот и встретиться с привратниками, как вся сдержанность, выдержка и благоразумие многоликого сошли на нет. Ему улыбались. Ехидно и иронично, кто-то смотрел с сочувствием и порицанием, кто-то с издевкой.

— Смотрите-ка, а вот постоянный хранитель снов той девицы... — произнес самый молодой из них и рассмеялся собственной шутке. А затем оборотень, не ценящий собственную жизнь, многозначительным тоном добавил: — Видимо, фамильяр не справляется. А ведь он куда более чистокровный Дао-дво...

Имя прославленного рода все еще звенело в воздухе, а двуликий уже трепыхался в руке Гера и с ужасом смотрел на его преобразившееся лицо, вернее сказать, оскалившуюся пасть... Но к чему уточнения?..

— Что ты имел в виду?

— Я... я... — Оборотень, вытаращил глаза, раззявил рот и только сейчас вспомнил, что с метаморфом младшей ветви рода связываться не стоит, а тем более шутить.

— Подробнее.

— Й-й-я...

— Громко и отчетливо, падаль! — произнесено это было тихо и внушительно. Так, что судорога, вызванная паникой, прошла тело глупого насмешника, лишив его не только речи, но и последнего воздуха. Он дернулся, захрипел и повис безвольным кулем в руке многоликого.

— Ничтожество. — Гер отбросил бездыханного в застывших неподалеку привратников. — Отправьте к целителям, пока не издох, но не выпускайте из городка. Чуть позже я переговорю с ним еще раз, — жестко проинформировал их Дао-дво и обратился к самому старшему: — Мне нужны объяснения.

Длинной лекции не последовало, привратник ограничился парой фраз, тактично разъясняющих: кто тут фамильяр и хранитель снов, а кто — слепец и болван, коему высокородный котенок наставил рога.

В первые мгновения Дао-дво еще надеялся на ошибку и даже медлил, найдя взглядом Сумеречную, но едва ощутил новый болезненный укол, понял, если вчера был не его день, то сегодня точно будет не ее.

И само собой вырвалось восклицание, огласившее весь парк:
— Сумеречная, твою ж!

Я отчаянно понадеялась, что рык раздался из моего браслета, из чужого браслета, из эхо-порта, расположенного далеко-далеко, но нет! Меня резко развернули и почти выкрикнули в лицо:

— Я же просил!

— Что? — прижимая к себе притихшего котенка, вскинула на метаморфа хмурый взгляд. Изможденный всклокоченный рыжий был в бешенстве. Встреть я такого на улице, пожалела бы, но сейчас, когда я негодную и зла... — Уже явился?

— Да! И что я вижу?!

— Ничего особенного. И чего ты взъярился? — резко отступив, вырвалась из его рук и сквозь зубы процитировала пункты из пакта о НЕраздражении: — Я со смертниками не заигрываю, к тебе не пристаю, с обрыва не прыгаю, никого не достаю...

— Это! — оборвал он меня, указав на пушистика.

— Это всего лишь котенок. Маленький и безобидный.

— Котенок, — как-то нехорошо протянул многоликий, сверкнув глазами. — А ну-ка дай сюда этого котенка!

— Даже не надейся, я не...

И ненормальный рыжий вырвал из моих рук дрожащего зверька, схватил за шкурку и, основательно встряхнув, потребовал:

— Даррей, сними оборот! — а услышав тихое жалобное мяуканье, звереющий псих изрек: — Сам напросился.

И этот изверг стукнул малыша головой о дерево.

— Гер, прекрати! — завопила я испуганно и кинулась на него с кулаками. Проклятья ему не страшны, на прикосновения иммунитет, а впрочем, и мои кулачки многоликого также не отвлекли. — Ты убьешь его...

— Мяу, — всхлипнул котик.

— Убери руки! — рывкнул многоликий, повторно стукнув малыша. И обратился к несчастному грозно: — Последнее предупреждение.

— Мя...

— Сними оборот... или удавлю к Тарраху!

И только я решилась уличить рыжего в бешенстве, жестокости и паранойе, окосевший от ударов пушистик неожиданно вытер лапой текущий нос и произнес:

— Ладно-ладно, уговорил.

— Ч-что?! — Меня повело в сторону, но теперь я ухватила за Дао-дво не для того, чтобы котенка освободить, а чтобы на ногах устоять. — Т-т-ты говоришь?

— И не только, — похабно оглядев меня с ног до головы, сверкнул глазами пушистик. — Прости, пташка, в другой раз продолжим...

Милостивый боже!

Это действительно был Даррей Дао-дво, кузен рыжего, один из братьев-близнецов старшей ветви рода. Я узнала его по голосу и с опозданием поняла, почему мне не понравился бронзовый окрас питомца. Сама не заметила, как осмелела, и от моих пощечин голова ко... многоликого мерзавца вначале дернулась влево, затем вправо, а после он вылетел из захвата Гера, повторно приложившись о дерево головой.

Там же и перевоплотился.

— Твою ж ма-а-ать! — Распластавшийся на земле подлец ругался на чем свет стоит, ощупывая кровоточащий нос. А я словно наяву увидела, как этот паршивец все разыграл. И со щенком, коим, несомненно, был его брат, и с возницей, признавшим господина, с привратниками на въезде в городок. А ведь они видели кузена Дао-дво, не могли не видеть! Теперь понятны их улыбки и смешки! Намеки о полезности столь талантливого фамильяра. И мало того, что эта сволочь высокородная меня не только в заблуждение завела и облапать успела, так еще чуть не убила. А чего ему стоило браслет мой отключить и подделать бумагу с адресом заселения? Ничего!

— Ах ты... — Мой вопль сорвался до сдавленного шепота, в руках полыхнули проклятия забвения и иссушения, перед глазами возник кровавый туман. А сквозь гул, нарастающий в ушах, неожиданно долетело Герово:

— Сумеречная, я убить его не дам, — и со смешком: — Но подержать для тебя могу.

— Что?

— У него реакция получше, чем у наследного принца Тэннона. Просто так по морде не дашь. — Моргнула, туман развеялся, гул стих, а вместе с ним и всепоглощающая злость. Правда, это не помешало моим плетениям сорваться с рук, но до цели они не долетели. Рыжий легко перехватил проклятья у самого лица кузена и теперь улыбался, скручивая их в клубки. — Так что решила? Мне его подержать?

— Лучше сам врежь. Он к твоей невесте лез в постель... и не только!

Всего я бы сейчас сказать не смогла, да и не потребовалось, Даррей вступил в дискуссию:

— Не удержался! — Злющий, он вскочил на ноги. — Знаешь ли, стало интересно, с чего вдруг Горран и Сули через суд требовали отмены ее заявки на игры. Безродная человечка, средняя дочурка деревенского старосты. Ни денег, ни рода, ни примеси крови... — Словами он обращался к Геру, но смотрел при этом на меня. Нагло, высокомерно и одновременно похабно.

Надо же, я никогда не думала, что в подобной ситуации смогу стоять спокойно, слушать гадости и отрешенно взирать на обидчика, а вот и смогла. И более того, ответила достойно, с отрешенной ехидцей:

— Гер, какой у тебя кузен недалекий — даже не догадывается, что в его вопросе заключается ответ. — И по слогам, как для маленького: — Меня защищали именно потому, что я несчастная и безродная человечка с одной жизнью за пазухой.

Высокородный подлец и мерзавец не смутился, ослабился:

— Да неужели. Аквиус Авур и его имперцы считают так же?

— А этим просто завидно, — брякнула я и гордо добавила неоднократно использованное объяснение: — Потому что кука защищает не их, а меня.

— Ку... кто? — переспросил Даррей. Отвечать не стала, задумчиво обратилась к рыжему:

— И вот тут, Герберт, остается лишь гадать, знал ли твой кузен о том, что меня на тебе замкнули. Знал ли, что любое прикосновение к невесте ты чувствуешь собственной шкурой. — Их взгляды схлестнулись, я же продолжала: — Говоришь, только что с учений? Усложненных, надо полагать.

— Надо, — глухо отозвался разведчик и сам сделал шаг навстречу родственничку, — очень усложненных.

Кажется, лишь мне одной понравился предвкушающий и многообещающий взгляд рыжего, метаморфа старшей ветви рода Дао-дво от него перекошило.

— Ты не посмеешь!

— Убить не убью, — продолжил рассуждения Гер, — но покалечить имею право.

— Ты не нападешь на заместителя министра... — Этот самый заместитель выглядел сейчас до смешного глупо. Помятый, испуганный. Столько пафоса в каждом слове и столько страха в глазах. Даже жаль его стало, чуть-чуть. И чуть сильнее, когда рыжий произнес эпическое:

— Да, подонков, взлетевших так высоко, я еще не бил. Сейчас наверстаю.

— Я все еще твой сородич. Слышишь? Твой кузен... — Высокородный трус начал озираться по сторонам в поисках путей отступления.

— А мне плевать, смертник как-никак.

— Это ничего не меняет, — напомнил Даррей, отступая. То бишь в родственные связи он верил, а вот в адекватность рассерженного многоликого нет. — Я все еще опекаемый тобой! Я выбранный родом!

— Навязанный, ты хотел сказать.

— Все одно. — Метаморф старшей ветви рода Дао-дво безрезультатно пытался придать своему голосу невозмутимости. — Любой вред, нанесенный мне, ты почувствуешь собственной шкурой!

Вот это поворот. Значит, я, узнав о болях, которые испытывает опекающий, постаралась их минимизировать, а этот родственничек, наоборот, использует для шантажа. Ужас! Теперь ясно, почему Гер долго не объяснял мне смысла связи и запугивал. Что же он ответит сейчас?

— Не страшно. — Многоликий скосил взгляд на меня и мрачно заметил: — Я уже через многое прошел...

— Ты не посмеешь! — почти взвизгнул Даррей и обернулся рысью, намеренный сбежать.

— Пospорим? — Герберт, даже не входя в оборот, единым прыжком преодолел разделяющее их расстояние, схватил паскудника за шкурку и повернул к себе, чтобы цинично усмехнуться в изумленную усатую морду: — Что поставишь?

На этом я решила им не мешать, развернулась и побрела в другую сторону. Слез не было, как и всхлипов, стенаний о прошлом вечере и нелепых нежностях с котенком. Обида горьким комом улеглась где-то в глубине, а вместе с ней и сожаления о своей наивности. Правда, злость вернулась скоро, вместе с Гером. Он нагнал меня на мосту через озеро.

— А я, выходит, чувствовал не только твой разврат, но и смертельную опасность, грозящую кузену! — усмехнулся рыжий, став позади меня, и иронично произнес: — Теперь даже не знаю, кого из вас сильнее наказать.

— Чего? Разврат?! — Я резко развернулась, оказавшись чуть ли не в объятиях многоликого.

— А ты думаешь, я поверю в твое неведение на его счет?

— Да!

— Нет, — холодно ответил он и презрительно сощурился. — В случае со мной ты еще могла напутать — артефакт Хао, моя истощенность и прочее тому виной, но сейчас... когда у тебя есть книги по играм Смерти... Нет.

— Во-первых, я их еще не прочла, а во-вторых, не вижу никакой разницы. Я всего лишь подобрала котенка! — Брови разведчика медленно поднялись вверх, затем скептически

изогнулись. И я спохватилась уточнить: — Вернее, он сам ко мне устремился.

— Да неужели? — со смешком протянул многоликий, он сложил руки на груди, качнулся с пятки на носок, передразнивая мой голос. — И что, увидев ту пакость, ты подумала: «Какой замечательный день! Ко мне впервые самостоятельно подошло живое существо!»?

— Я не... — на мгновение стало обидно до боли. — Что значит впервые? Не наводи напраслину.

— То и значит! — рыкнул рыжий сдавленно и наклонился, чуть ли не касаясь меня носом. — Ты — смертьнесущая, бездна, поглощающая силы! Животные чувствуют и ненавидят тебя, нежить принимает за свою родню, а мы, многоликие и двуликие, как и люди, ничего не ощущаем, — и как приговор озвучил: — Оттого и мрем.

Я смутно помнила, что отец запрещал держать в доме живность. Впрочем, необходимости в запрете не было: даже тайно принесенное сестрами зверье сбегало, едва появлялась возможность. Один лишь баран Гошка прижился, стал отцовской гордостью, любимцем семьи и обладателем паскудного характера. Все время норовил меня боднуть пониже спины или ноги оттоптать. Но если он остался, значит, рыжий...

— Ты не прав!

— Хочешь сказать, что к тебе ластился не только треклятый лемур?

— Его зовут Гирби!

— Звали, и он оказался скифом, — жестко отрезал многоликий, нависая надо мной. — И что ты скажешь в свое оправдание теперь?

— Ничего, — произнесла по слогам, — а ты лжешь.

— Не веришь. — Он как-то нехорошо улыбнулся, внимательно разглядывая мое лицо.

— Нет.

— А хочешь, докажу обратное?

— Нет. — Я отступила назад, почти вжимаясь в перила.

— А придется, — ответили мне. — Здесь и сейчас. Знаешь ли, ты нынче в команде, поэтому должна научиться думать, а не на каждом шагу подставлять.

Упрек был незаслуженным и обидным, о чем я и заявила, мотивировав это тройкой мастеровитых должников.

— Для этого не нужно было записываться! Следовало приказать. Они дали клятву. Дали клятву на крови, родовую... Им никуда не деться, слышишь, ты?!

— Слышу и не понимаю, за что ты так взъелся на меня. Все равно получается, что я по дурусти подставила только тебя.

— Команду! — взревел метаморф. — Команду! Раньше у них Граф был слабое звено, теперь — ты.

— И что?

— Таррах! — Моей непонятливостью он был удивлен, вернее, даже шокирован. Отступил на шаг, ругнулся и, сжав кулаки, прошипел: — А то, что Граф при всей своей дурусти не сдохнет, у него лишние жизни есть! А ты...

Карий взгляд прожигал, энергия, исходящая от Гера, опаляла, наводя животный ужас. И отступить страшно — загрызет, и стоять невыносимо, потому что не только энергетика, но и каждое его обвинительное слово отдавало болью. И не понять, то ли это его переживания, то ли мои. А может, все вместе?

— Чтобы спасти твою шкуру, они будут подставляться под ядовитые иглы, удары и укусы, направленные на тебя, а все потому, что ты, маленькая человечка, не бессмертна!

— Я не...

— Не думала? Не хотела? Не знала? — Кажется, я заторможенно кивнула, и он, хищно оскалившись, произнес с предвкушением: — А теперь еще и не веришь мне...

— Я не настолько беспомощна!

— Не веришь, — изрек рыжий с осязательным наслаждением, перекатывая эти два слова на языке. — Что ж, идем, покажешь, что умеешь. Заодно и выясним, насколько ты беспомощна. — Он схватил меня за руку и потащил за собой в глубь парка, туда, где ухоженные дорожки превращаются в нехоженые тропинки, не пробивается солнечный луч, темень сгущается с каждым шагом, а птичьи голоса затихают в кронах черных деревьев. Многоликий уверенно тянул меня на полигон под красным кодом — опасно, но не смертельно. Правда, это самое «но» распространяется на меняющих ипостась, а не на меня.

— Гер,пусти! Гер, не надо показательных выступлений... Ты можешь все нормальным языком объяснить.

— Уже не могу, боюсь в запале тебе шею свернуть, — бросил разведчик через плечо, выводя меня к речной заводи со странным шевелением в редких волнах. Остановился, посмотрел внимательно на берег, на темный лес, затихший сзади, затем на реку и улыбнулся, переводя взгляд с воды на меня. — Пираньи, познакомьтесь, это Сумеречная. Сумеречная, это пираньи. Думаю, ради нашего эксперимента ты не откажешься немного поплавать с ними.

Сердце зашло в испуге.

— С ума сошел?! Я не лезу в воду!

— Еще нет, но скоро, — ответил он неизвестно на какое из моих утверждений. Скинул рубашку и жилет, повел широкими плечами и посерьезнел. — Итак, приступим к твоему обучению, развитию доверия и вправлению мозгов. Сейчас я буду нападать, а ты отбиваться. Сможешь дать отпор — с пираньями плаваю я, не сможешь...

— Дао-дво! Ты головой стукнулся? Я не буду драться с тобой!

Решительно развернулась, чтобы уйти, но псих многоликий заступил дорогу и искренне удивился:

— Почему? Я еще не худший вариант, среди смертников других групп есть и посильнее и понаглее. — Он хотел добавить явно еще что-то малоприятное, но обошелся коротким: — Словом, отъявленные мерзавцы.

— Потому что игроки расправляются лишь с нежитью! К тому же у тебя иммунитет на мои прикосновения! — воскликнула я в ответ и с опозданием спохватилась: «Милостивый боже, а вдруг меня услышали со стороны. Ужас! Меня же убьют без суда и следствия». Рот закрыла руками, оглянулась затравленно.

А рыжий издевательски расхохотался.

— А ты думаешь, остальные позволят тебе прикоснуться? Подпустят поближе или в руки дадутся? Очнись, Сумеречная, ты участвуешь в королевских играх Смерти! Где дерутся не только со зверьем и нежитью, но и с соперниками расправляются на раз-два. Всем смертикам, знаешь ли, хочется жить, к тому же победителю присуждается награда. Поэтому бить по тебе будут издали, а приближаться лишь в конце, чтобы наступить на горло. — Дао-дво схватил меня за плечи, встряхнул. — И хватит испуганно озираться, я артефактом прикрываю наш разговор. Со стороны мы выглядим как обычная ссорящаяся пара. — И с ехидным смешком, глядя в глаза: — А ты как потаскушка, гуляющая с моим кузеном.

— Чего?!

— Того. Для окружающих ты не более чем маленькая блудливая дря...

Он не договорил, потому что я рванулась и ударила наотмашь смертельным проклятьем и со всей дури, чтобы выбить из этого уroda дух. И я была уверена, Гер расстанется здесь и сейчас со второй своей жизнью. Почти наяву увидела, как Черное наветрие разорвет его кожу и вывернет из суставов кости, но... Вот клякса заклинания срывается с моих рук, скользит по воздуху, раскрывая сеть плетения перед жертвой, и, не долетев полуметра до цели, неожиданно хлопывается. Чернота проклятья растворилась бесследно, звук хлопка стих, а я поняла — сорвалась. И видела же, что Дао-дво специально меня до белого каления доводит, злит, подталкивает к пропасти с той самой бездной, приговаривая при этом: «Не хочет драться по-хорошему, будет по-плохому». И действительно, не успела я дух перевести и успокоиться, как слышу:

— Неплохо, — многоликий с ухмылкой стряхнул с рук остатки заклинания, — но слабовато для уязвленной шмары...

Паразит!

Золоченое забвение, Поцелуй красных роз и Острый нож заставили его замолчать, но лишь на несколько секунд. Мерзавец взмыл вверх и, выхватив главные нити проклятий, легко и просто их расплел, а затем спланировал вниз и, чуть ли не насвистывая, начал сворачивать мои творения в крохотные клубки, чтобы затем так же деловито спрятать их в браслете.

— Лучше, но недостаточно для...

Очередное оскорбление?!

Черный колокол налетел на рыжего со спины, опрокинул, наваливаясь сверху, но не преуспел в умерщвлении заразы Дао-дво, расплелся, так и не вступив в силу.

— Таррах мне в плотку! — Ненавистный метаморф поднялся на колени, стирая с лица липкую грязь, а затем и на ноги. — Хорошо! Для шаловливой проказницы очень хорошо! — похвалил он радостно и загадочно спросил: — Но что ты скажешь на это?

На что на это, я не увидела и не услышала, воспользовалась его временной потерей осязания, развернулась и побежала в лес со всех ног, стараясь сохранить дыхание, как учил меня брат. Подальше от сумасшедшего рыжего, возомнившего себя наставником, подальше от своей злости и, что таить, беспомощности. Но не перед Гером, с ним при хладнокровном расчете я бы сладила в конце концов, если не сегодня, то через неделю при должном анализе нашла бы лазейку в защите разведчика, но сейчас... Я до дрожи испугалась себя самой и той силы, что кроется в даре Смерти. Бездонная и бескрайняя, как Великий океан, слишком кровожадная и пьянящая своей вседозволенностью, неукротимой мощью. Прочь! Немедля, как можно дальше и скорее.

Но, сбегая с поля боя, совсем забыла, с кем имею дело. И нет ничего удивительного в том, что, перескакивая через неглубокий овраг, я попала в раскрытые объятия неожиданно объявившегося на пути грязного психа.

— Ты куда? — Меня сжали до хруста костей. — Мы еще не закончили.

— Закончили! — выкрикнула я. — Пусти! Хватит... я больше не буду!

— Да неужели?

— Не поддамся, — сдавленно внесла я поправку.

— Это уже вернее, — ослабилась Дао-дво.

— Достаточно!

— Для первого урока, может быть, и да, но как же наказание? — напомнил рыжий, которого сейчас правильнее было бы назвать черным с разводами. Он все еще злился и смотрел на меня с кривой усмешкой властелина. — Отпор ты мне так и не дала...

А дальше взмах огромных стальных крыльев над головой, стремительный перелет за доли секунды и падение. Бурлящая вода схлестнулась надо мной, и мгновение превратилось в вечность. Смерть — как много в этом слове отчаяния и в то же время надежды. Я не хотела умирать, но чтобы доказать, что многоликий бессовестная и лживая сволочь, была согласна на уход за грань. Чтоб он подавился своей неправотой и более не смел взирать на меня с высоты собственных знаний. И в то же время к чему умирать? Это крайняя мера. Достаточно одного укуса пираньи, и я буду отомщена! Я этому гаду такую выволочку устрою, такую встряску — на все оставшиеся жизни запомнит.

Ну, и где рыба? Где эти вечно голодные создания? Открыла глаза и оглянулась, а рядом — никого. Заводь, ранее кишачая живностью, стала мертвой, вода из темной превратилась в прозрачную, отчего я, находясь на приличной глубине, могла рассмотреть дно и сжавшихся под песком рыбешек. Тысячи, если не сотни тысяч пресноводных хищников смотрели на меня оттуда, округлив глаза и спрятав зубы.

Проклятье, неужели он прав? А родители все это время легко и просто скрывали от меня правду? Вот это прозорливость! Но... Милостивый боже, я не хочу, чтобы метаморф был прав! Чтобы смотрел свысока и с умным видом изрекал: «Ну, что я говорил?» Нет уж! Ни за что. И если нужно ради спасения чести укусить саму себя, то я...

«Только попробуй! — раздалось насмешливое из браслета. — Я знаю, что прав. Поэтому не трать времени зря и не отбивай рыбкам аппетит, плыви на берег».

Связь прервалась, и я всплыла, бормоча ругательства, а затем и поплыла, мысленно убивая одного ненормального метаморфа. Дао-дво нашелся лежащим на берегу, где, закинув руки за голову, смотрел на меня с ехидным превосходством и надменным спокойствием. Болван... Многоликая зараза! Знает он... докажет, чтобы верила... все ради блага команды... Честное слово, от обиды хотелось утопиться, а от злости удушить мерзавца и сволочугу. И, снедаемая жаждой мести, я быстро преодолела образованный моим даром участок исключительно кристальной воды, лишенной живности и растительности с животной основой. Выбралась на берег самостоятельно, отринув руку помощи, пусть и протянутую с опозданием, но все же протянутую. Встала и посмотрела на рыжего с прищуром:

— Что ж, Гер, ты не настолько большая скотина, как я о тебе думала, но сволочь еще та.

— Польщен, весьма. — Спокойствие многоликого медленно растворилось в первых проблесках злости. — И надеюсь, теперь ты все поняла. Согласись, я объяснил доходчиво, раскрыл глаза на некоторые свойства твоего дара.

Ах, это он мне так глаза открыл, да? В озеро к пираньям бросил, чтобы я прозрела... Тварь!

— Да, спасибо. — Что ж, зуб за зуб, месть за месть, лови свою, рыжий! Дрожащими руками выжала косу, под цепким взглядом карих глаз сняла с себя китель и, чуть запинаясь, спросила: — Скажи, ты все еще ищешь дарителя?

Такого вопроса метаморф не ожидал. Наверное, рассчитывал на истерику, обвинения, проклятия, очередную попытку его убить. Но не тут-то было.

— Так что... Ищешь?

— Знай свое место, малявка, не лезь...

— Я и не лезу, — на оскорбление внимания не обратила, цель моих расспросов поважнее будет: — Просто понять не могу, зачем ты ищешь ту девчонку. — И, не давая ему себя задеть, спросила с иронией: — Жениться на ней решил?

— Нет! — рыкнул Дао-дво и огрызнулся: — Да и какое тебе дело?

— Никакого, — согласилась я и вернулась к теме: — Тогда зачем ищешь?

— Просто так, — последовал от него неоднозначный ответ, но я не отступила.

— Хочешь вернуть куку?

— Нет. — Разведчик поднял с травы рубашку и жакет.

— Отомстить за Черный колокол?

— Нет!

— Потребовать компенсацию за поцелуй?!

— Нет... — Так и не поняв, что я знаю больше, чем надо, он попытался уйти, но я все-

таки доняла его следующим вопросом:

— Тогда зачем?

— Сказать спасибо! — вспыхнул рыжий.

— Да пожалуйста! — ответила я и, подхватив китель, зашагала в лес, прочь от реки и подальше от остолбеневшего Гера.

Урод многоликий! Пусть теперь пожалеет обо всем сделанном и сказанном.

* * *

Сумеречная? Она и даритель одно лицо?

Нет! Не может быть.

Но если подумать... Она кадет факультета Темных сил, носит темно-синюю форму и в академии появилась совсем недавно. Плоскогрудая худышка, светленькая стройняшка, с русой косой ниже задницы, тяжелой рукой и нехилыми задатками некроманта.

Некромант-самоучка, как назвала ее тeneвая.

Кука! Не зря мерзавка отгул взяла. Маленькая гадина, Таррах ей в плотку! А ведь она намекала, говорила не прямо, так косвенно и все время... все это время! Проклятье...

Герберт Дао-дво сцепил руки и сжал зубы, чуть ли не рыча. А потом в голове пронеслись слова Сумеречной, произнесенные только что. И про Черный колокол упомянула, и про поцелуй, да и в целом вопрос о том, ищет ли он дарителя, мог быть известен лишь второй стороне... через куку.

— Твою ж!

Он стоял там на берегу, смотрел на вновь ожившую заводь, и в груди у многоликого все переворачивалось от гремячей смеси недоверия, отчуждения и осознания. Человечка, дарителем действительно была человечка, а он не желал этого увидеть. Строил планы по выявлению незнакомки, рассчитывал свои шаги, искал варианты решения, постоянно отворачиваясь от нее и от вьедливой куки, твердящей как молитву: «А у Намины есть это, а у Сумерки есть то...» Чего таить, до того, как Гер узнал о своем участии в играх, он уже продумал гениальный план по незаметному и беспроblemному «взвешиванию и ощупыванию» третьекурсниц, а чтобы не заработать оскомину на тощих ребрах, попутно приглядел и парочку пышек. И вот итог. Даритель найден, охота потеряла всякий смысл, а ближайшие месяцы жизни завязанного авантюриста утратили искру.

— Таррах!

Хотелось напиться, но сейчас всего-то двенадцатый час дня. Дао-дво потер ноющую шею и посмотрел на горизонт. И чем себя до заката занять?

Косой взгляд на темный лес — и кривая усмешка сама собой расплзлась на лице.

Занятие нашлось, очень даже полезное и отчасти приятное, а также нравоучительное, мозговправляющее, и не только для него одного. Мгновение, и в сторону безмолвных деревьев полетел уже стальной ястреб, маленький и стремительный. Гер застал Даррея за распутыванием второй руки. Все-таки стратегов в министерствах не зря учат юлить и ускользать, вон какой верткий змей получился, не похвалить нельзя.

Герберт стал на землю в нескольких шагах от кузена, ухмыльнулся во все зубы, произнес с порицанием:

— Помнится, кое-кто обещал меня подождать.

— А! Вернулся... — Метаморф старшей ветви рода Дао-дво перестал дергать веревку, крепко связавшую его с деревом, сглотнул и обернулся. — Ты уже... но разве... Я думал, вы поговорите и...

— И я забуду о тебе, дорогой брат? — Ироничный вопрос и ехидная поддевка: — Или о том, как ты приставал к моей невесте?

— Нет, но... Ты же презираешь людей, как и все мы. И вряд ли...

Гер оборвал его резко, выделяя каждое произнесенное слово:

— Она навязана мне родом. Моя опекаемая. Моя фиктивная невеста. Моя. Презираю я ее или нет — неважно, она моя. А на свое я покушаться не позволю.

— Ясно-ясно, понял. Это было ошибкой. — Даррей склоняет голову и прячет взгляд, но кое-чего он все же не учитывает, а именно осведомленности явившегося собственника.

— Так, значит, приставая к ней, ты прекрасно знал о моей опеке над девушкой и все-таки к ней сунулся, из любопытства, — «моей» в очередной раз интонационно выделил, уже представляя, как поведет разговор. Благо информация, поступившая от Равэсса через магический гид, многое раскрыла.

— Я не то чтобы...

— Знал и завел ее на полигон горцев... перед самой их тренировкой. Знал и оставил ее там.

— Нет! — Кузен сглотнул, бледнея, даже вздрогнул.

— Хочешь сказать, что это была не твоя идея? — Даррей замотал головой. — Чья?

— Я бы не хотел...

— Чья? — и тихий рык пробирает до костей. Придушить бы эту падаль и облегчить жизнь всем окружающим, но жаль, дядя Нубус расстроится, и Макфарр вместе с ним. А затем еще и два десятка девиц, что по этим идиотам сохнут.

— Я не могу, ты должен понимать, мое слово — это слово чести!

— Как пафосно, — оборвал его Гер и наградил оплеухой, хлесткой и скользкой. Даррей набычился, прожигая взглядом, но парировать не смог. — Как высокопарно. Долг и честь... в деле соблазнения безвинной девчонки.

— Соблазнения?! Да кто на нее, убогую, позарится... — Следующая оплеуха заткнула его, но ненадолго. — Ты, убудок, ты хоть знаешь, что...

— «Моя» не означает, что ее можно оскорблять. — Щадящий удар под ребро, но кузен слабак, свистит на выдохе. — Мне казалось, ты это уже понял.

— Понял-понял! — огрызнулся слизняк сквозь стиснутые зубы, стараясь не показать, с каким испугом он озирается по сторонам. — Но я, честно, не знал, что...

— Что домик уйдет под землю, — продолжил за него Гер, разминая кулаки, — именно поэтому скрылся за несколько минут до того.

— Нет, меня спугнули!

— Кто? — Он замахнулся, и высокородный метаморф старшей ветви Дао-дво, сын прославленного полководца, шарахнулся в сторону, налетел на дерево, к которому привязан. И с тихим поминанием Тарраха выплюнул:

— Запасники.

— А подставили тебя?

— Имперцы! — сказал и спохватился, губы закусил. Теперь ясно, откуда ветер дул, откуда его знание о заинтересованности Авура и команды Дельгато. Что ж, докатились. Одним рывком Гер снял с кузена путы, дал секунды три на ощущение мнимой свободы и врезал, не откладывая доходчивое нравоучение в долгий ящик.

— Подонок! — Его кулак впечатывается в бок Даррея. — Продажная мразь. — Еще удар — и слышится хруст, а самого Графитового окатывает первой волной лавового потока, который не умяет желания отбить кое-кому все внутренности. — Встань с колен и дерись.

— Гребаный псих... Ты что творишь?! — Кузен сплевывает кровь, утирает ее белым платком, выуженным вместе с магической ловушкой, и, держась за бок, медленно разгибается. Но не встает, чтобы не получить очередную порцию нравоучений или развернуть припрятанную пакость.

— Я не буду с тобой драться, — между тем заявил Даррей, — из жалости. Не хочу, чтобы ты каждый удар чувствовал собственной шкурой.

Вздернуть пададь за шкурку, выбить ловушку и раздавить ее оказалось для разведчика делом двух секунд, по истечении которых он произнес:

— Жаль, что ранее ты не вспомнил об этом обстоятельстве. Впрочем, если я их и почувствую, то в кои-то веки получу от тебя достойный отпор, — оскалился плотоядно и с усмешкой произнес весьма приятную ложь: — Но я ничего изнутри выжигающего не ощущаю.

Полминуты, не меньше, хваленый заместитель министра внутренних дел Треда пытался сопоставить факты. Мысли, судя по эмоциям, сменяли одна другую, а к пониманию только что сказанного так и не привели.

— Ты врешь! Мне обещали... сам Дельгато!..

— Сам, значит. Теперь понятно, кто восстановил твою связь со мной. Спасибо, братец, за наводку.

— Я не... это... — Глаза многоликого забежали, уголок рта нервно задергался. Верный признак внутреннего напряжения и более тщательной мысленной работы. — Капитан имперцев... мы не...

— Достаточно разговоров. — Гер отбил очередную направленную на него примочку, на этот раз — из арсенала воителей, улыбнулся, позволяя трусливому кузену нанести удар, а себе подождать со сдачей.

Разведчик легко, будто танцуя, увернулся от кулака, затем локтя и пасти не полностью перевоплотившегося метаморфа, который в силу лени так и не овладел быстрым оборотом, а затем... Шаг навстречу и удар — первый из сотни желаемых, хруст, сдавленный и испуганный вскрик застрявшего в обороте пугала по имени Даррей — и лавовая волна накрывает Гера с головой. Но не выжигает, нет. После всего пережитого она уже кажется ласковой, щадящей, даже нежной. Еще удар и еще! Противник, хотя вернее сказать, избиваемый увалень, пытался противостоять вначале ловушками, припасенными в рукаве, затем маневренностью и силой зверя, в коего непростительно долго перевоплощался, но все зря, и даже кинжал, выуженный из ботинка, не помог. Метаморф старшей ветви Дао-дво

отступал, сплевывая кровью, Гер наступал, раз за разом ощущая все более горячий и долгий лавовый поток. Мощный, но недостаточный, чтобы выжечь гнев, стыд за кузена, чувство вины перед сероглазой и досаду на нее. Даритель, проклятье! Она — даритель.

И где-то на двадцать девятом или тридцатом ударе многоликий понял, что в этот день ему все же суждено выпить — вернее, надраться, — ибо Даррей уже повалился на колени, а злоба, несмотря на боль наплывов, так и не сошла.

Таррах!

Гер посмотрел на небо и зажмурился. В голове все еще было ясно, на сердце — тяжело. Узнать, что ли, где нынче имперцы обитают, и вызвать на поединок Дельгато? Он хотя бы отбиваться будет более уверенно, не то что это... ничтожество.

— Проваливай. На сегодня я с тобой закончил. Вернусь с игр, договорим.

Красавчик, на котором «боевые» ранения вначале еще заживали, а теперь живописной коллекцией украшали и тело, и лицо, недоверчиво и опасливо смотрел на разведчика незаплывшим глазом.

— Ты не посмеешь... Ни за что... — И почти истерично: — Больше никогда не приблизишься к дому. И ко мне и... Отец проведет твое отречение от рода! Ты будешь изгоем! Ты уже изго...

Рывок, и родственничек-недоумок опять за шиворот подвешен перед Гером, дрожит с открытым ртом. И по уцелевшему глазу видно, хочет сказать, но остатки чувства самосохранения не дают.

— Вижу, мозгов у тебя как не было, так и нет. Ты даже не осознаешь глубину той ямы, что выкопал себе. Сговор с имперцем, тайное восстановление связи, попытка убийства невесты сородича и, как следствие, разрушение планов советника Тиши — все это, и не только это, говорит о нарушении заповедей рода Дао-дво. — Ироничный хмык и почти веселое: — Что ж, если хочешь, то так и быть. Встретимся на твоём отречении от рода...

В это мгновение на плече разведчика объявилась кука, довольная жизнью и собой. Грудь колесом, уши, как флаги, расправлены, на тупомордой физиономии улыбка, широкая и мало похожая на змеиную. Но стоило теневой оглянуться, как от ее сияющего оскала не осталось и следа.

— Ой! Кажется-ся, й-я не вовремя-мя, и вы еще не... договорили. — Она медленно перевела опарашенный взгляд с лица кузена, на Гера. Вздрыгнула от вида первого, ужаснулась от второго и громко сглотнула. — Хоть-тя и так понь-нятно, что... слов у вас обоих уже нет, но...

— Кука! — выдохнул многоликий радостно, как никогда, и отбросил родственничка в сторону. — Надо поговорить...

Он старался скрыть угрозу за добрым взглядом, тихим приятным голосом, открытой улыбкой, но бестия почувствовала надвигающуюся взбучку, да и вид избитого Даррея вряд ли ей что-то хорошее посулил.

— Нет-нет, совсем не надо! — Мелочь слетела на ближайшее дерево, распласталась по коре.

— Вот как?

— Дя! Не прерывайтесь из-за мень-ня, — произнесла поганка, мотая головой и хлопая ушами. Затем, заметив приближение многоликого, эти самые уши стремительно скрутила и выдала: — Й-я просто мимо проходила. — Несколько шагов вверх по стволу, и доверительное: — Хозь-зяин, не стоит нарушать свои планы...

— Свои и не нарушу, — пообещал Гер, протягивая к ней ладонь, медленно, но неотвратно.

— А мои? — неожиданно полюбопытствовала нежить и сжала его руку в кулак, накрыла сбитые костяшки лапками, невинно заглянула в глаза, разыгрывая новую карту. — Й-я первый выходной еще не отгуль-ляла, а уже очень хочу взъ-зять второй.

— Кука...

— И третий, — заявила мерзавка. — И даже два, ведь ты так и не зовешь меня, — тихий вздох и едва различимое: — Симпатьяшкой.

Да уж, для симпатьяшки у нее очень неплохо получилось его от темы увести.

— Теневая! — рыкнул разозленный многоликий, но эффекта не добился. Лопухая мелочь вздернула нос и со слезами на глазах заявила:

— Хозь-зяин бь-бяка! Все! Ухожу от тебь-бя...

И растворилась в воздухе. Удивленный Дао-дво остался стоять. Второй раз за утро его выбивает из колеи какая-то малявка, и второй раз он не знает, что сказать. Стоит столбом. Секунду, вторую, третью...

Кука появилась на его плече так же неожиданно, как и исчезла. Подтянулась на хвосте, оперлась лапами о его щеки и, заглянув в глаза, с улыбкой уточнила:

— Вернусь завтра, — короткий чмок в нос и веселое: — Так что не напивайсь-ся сильно! И закусывай...

Поганка! Вместо тонкого тела он схватил уже воздух, сжал пальцы до хруста, медленно выдохнул. Подожди, разберусь с тобой.

Более не тратя свое время на кузена, Герберт развернулся и ушел.

Гад! Урод, свинья! Тупица, придурок, болван! Метаморф дерганый! Кретин многоликий, идиот, сволочуга! Псих!

Все это и не только я повторяла как молитву третий час кряду, штудируя книгу по играм Смерти. В первые тридцать минут по возвращении я металась по комнате, срывая с себя мокрую одежду, заваривая домашний чай, что остался со вчерашнего дня в бутылке, и понося рыжего на чем свет стоит. Но едва успокоилась и согрелась, взялась за самообразование и засела за талмуды, и что ни строчка, так опять вспоминала о своем раздражении.

Урод! Самодовольная сволочь! И что, трудно ему было все человеческим языком объяснить? Обязательно следовало доводить до белого каления, гадости говорить и в заводь к пираньям кидать? И пусть объяснил доходчиво, не поймет лишь дурак, но... обидно! До чего же обидно и досадно. Ведь не сдержала гнева, решила отплатить, подставила куку и выдала личность дарителя.

Вот же упертая скотина кареглазая! Похуже нашего барана Гошки... Если бы не он со своим показательным выступлением или обучением, я бы ни за что, я бы никогда!

На фоне этих размышлений читать о смертях и опасностях, поджидающих игроков на играх, было не так уж и страшно. Во-первых, я злилась и не стопорилась на кровавых истинах, во-вторых, мысль о том, что все оставались живы, утешала. Пусть они, потеряв не одну сотню лет, были этому мало рады, я как человек, живущий всего лишь раз, особой горести не видела. Уцелели, и на том спасибо. Да и вообще, мужикам там было легче, а вот женщинам на играх приходилось туго. Они явно отбивались и от зверья, и от ловушек, и от мужиков, принявших поспешное решение продлить род, так сказать, во избежание исчезновения вида. А как еще объяснить то обстоятельство, что у участниц спустя девять месяцев после рождались девочки с невероятным даром Смерти. Мальчики тоже рождались, и весьма не слабые, но девочки...

Их заметили во время третьего столетия игр, когда одна из участниц нечаянно лишила жизни всю свою группу, а затем отчаянно и прочих игроков. Первая открывшаяся из смертнесущих не знала о могуществе своего проклятья и о собственной уязвимости не ведала. Когда ее скрутили, оборотница была опустошена и едва жива. О дальнейшей ее судьбе не говорилось ни слова. Вторая обладательница дара — наследница горцев, попав на игры, о нем не рассказала. Таясь, прошла через все испытания, а на балу в честь игроков напала на императора, но осушила его телохранителя. Далее о ней — ни слова, о ее группе — лишь пара строк. Кого-то осудили на десять лет, кого-то лишили пары-тройки жизней. Вот и получается: если мою даровитость на играх раскроют, то парням несдобровать, а обо мне и говорить нечего, сразу ликвидируют. К слову, встречи с третьей смертнесущей владыка империи Рагра ждать не стал. В тот же год все обладательницы дара были выявлены, обследованы и смертельных способностей лишены. Как именно — умалчиваются.

Действительно, зачем рассказывать о том, что всех половозрелых незамужних девушек быстро к кому-нибудь пристроили с обязательным условием забеременеть в кратчайшие сроки, дабы дар Жизни устранил дар Смерти. С тех пор на игры стали набирать замужних, рожавших, в крайнем случае девиц, имевших связь с мужчиной. Вероятно, полагая в последнем случае, что если любовник не помер, значит, никто другой тоже не помрет. И, кажется, я знаю, почему привратники меня в городок смертников пропустили и к какому

типу отнесли. Неприятно, зато на руку.

На этом мои размышления прервал тихий стук в дверь и вопрошающий голос Бруга:

— Сумерька, ты на обед идешь?

Мой желудок отозвался голодным урчание, а гордость хмуро поинтересовалась:

— Гер будет?

— Да, он уже там...

— Тогда — нет.

— А может... — Кардинал не договорил, прерванный вкрадчивым голосом Равэсса:

— Тугго, не дави, не то будет худо.

— Да что я? Что я? — вспыхнул оборотень и в сердцах стукнул кулаком по моей двери.

Полотно уцелело, но трещину приобрело, а смертник запальчиво продолжил: — Она здесь сидит безвылазно, он — там, не отрываясь от бутылки!..

— Да-да, и волнует тебя только это, а не то, что Крэббас приехала нас навестить.

В ответ раздалось сопящее молчание, а я, услышав об Олли, устремила прочь из комнаты. Дверь распахнула, удивленно застыла, потому что Бруг и принц явились не одни, а со всей командой.

— Что-нибудь произошло? — Тяжелый вздох красноглазого, и я уточняю: — Помимо приезда младшей принцессы черных оборотней-драконов.

— Да так, — неопределенно отозвался Хан, но с таким расслабленным видом, что стало ясно — ничего страшного не произошло.

— Ну, тогда с ТАК разбираетесь сами, а с Олли — я.

— Ура! — возликовал Кардинал разбитых сердец, но, поймав мой осуждающий взгляд, тут же затих. — Да поняли-поняли. Иди уже! — И радостный сразу обозначил путь: — Административный центр городка, зал для посетителей.

Я ворвалась туда задыхающейся и абсолютно красной, и спешила я не увидеться со старостой нашей группы, а убраться как можно дальше от заинтересованных глаз. Почти все встретившиеся смертники смотрели на меня очень внимательно и многозначительно. Что стало этому причиной, я догадывалась, но даже представить не могла, насколько все хуже. И вот, оказавшись в зале для посетителей, я по инерции чуть не налетела на Даррея Дао-дво, надо сказать, весьма невредимого: ни порезов, ни синяков, ни заплывшего глаза. Метаморф выглядел великолепно в модном костюме с прической волосок к волоску. Можно было бы подумать, что он таким вернулся от целителей, но я-то уже поняла, что передо мной стоит Мак- фарр.

— Ты смотри, какая цыпа! — восхитился он, схватив мои запястья и притянув к себе. — Сумеречная, узнаешь меня?

— Узнаю, — процедила я. — И уже мысленно продумываю, каким проклятием тебя скрутить.

— Началось, — послышалось довольное вокруг. — Сейчас будет сцена. Нет, свара!

И кто-то пробурчал ехидно:

— А вот и третий Дао-дво, и, судя по всему, он ее тоже... кхм... того!

Я не увидела, кто это сказал, не расслышала, откуда именно это долетело, и даже не успела возмутиться в ответ на заявление нахала, как в зал ворвался избитый Даррей Дао-дво. Уж по виду этого многоликого можно было сказать: «Целители старались, латали... не помогло». Синяки не сошли, один глаз слезится, второго в сиреневом отеке вовсе не видно, одна рука зафиксирована как при переломе, на левом колене явно жгут, а самое

примечательное — он не ждет каталки, а быстро хромает к выходу.

— Ты только посмотри, кого я нашел! — просиял удерживающий меня метаморф и изумленно уставился на брата. — Даррей? Что случилось?!

— Ничего такого, чтобы рассказывать здесь, — огрызнулся тот и, забрав у кого-то из служащих пропуск, уже хотел продолжить путь, но остановился в нескольких шагах от нас. — Кто это с тобой?

— Краса плоскодонная, все как ты любишь. — Я возмущенно посмотрела на этого хлыща небитого, а мне улыбнулись, ехидно вопрошая: — А разве не так?

— Кто? — переспросил Даррей, с прищуром воззрившись на меня. Разглядел, узнал и ужаснулся, проговорил: — От-от-п-п-у-усти ее!

— Что?

— П-пу-сти не-не-медленно.

— Но почему? — И столько недоумения, словно бы чужих невест у них принято пугать и хватать.

— Отпусти ее, идиот! П-пока псих не уч-учуял. — И, чуть ли не падая, избитый трус и подлец быстро пересек разделявшее нас расстояние, вцепился в близнеца. — Пошли! Скорее...

— Да что такого? Не убьет же он меня...

— Это ты так думаешь, а он — нет, — отозвался метаморф, отрывая руку брата от меня. Достигнув желаемого, Даррей поклонился и чуть хрипя произнес: — Простите меня, Намина Сумеречная, за мой оборот, глупую шутку и... простите.

В это мгновение лицо вытянулось не только у второго кузена Дао-дво, но и у тех немногочисленных смертников и их посетителей, что также присутствовали в зале.

— Но обряд связи... — как ребенок возмутился Макфarr и не договорил, осекся под тяжелым взглядом единственного «живого» глаза Даррея. Мгновение, и небитый кузен позволяет себя увести и попутно вопрошает: — Так это он так... тебя?

— Тихо! — раздается в ответ. И тишина накрывает весь зал.

— Так это что, правда? — поинтересовался некто ехидно бурчащий, когда за братьями захлопнулась дверь. — Гер из-за нее действительно... кхм, того!

Чего того или этого, я опять не поняла и вопрошающего не увидела, ибо стоило мне лишь оглянуться на голос, как я попала в крепкие девичьи объятия. Меня закружили, и что удивительно, от нашей старосты все присутствующие, помянув Тарраха, поспешили отойти как можно дальше. Кто с сочувствующим взглядом, кто с испугом. Так, значит, нашу Олли и ее огнеопасный характер здесь знают многие. Хотя чему я удивляюсь, здесь все из знатных семейств и с младшей принцессой драконов должны быть знакомы.

— Сумеречная! — провозгласила Кудряшка, отступив от меня.

— Крэббас! — Я была ей рада и крепко обняла в ответ, но так, чтобы, не дай боже, не задеть губами ее кожи. Даже улыбнулась, вновь почувствовав себя как в академии, почти своей. А затем решительно отстранилась, заметив странное несоответствие.

Олли была все такой же бойкой, энергичной и красивой, с широкой улыбкой на лице, и это несмотря на явный траур. Черная лента в волосах вместо шляпки и черный брючный костюм вместо выходного платья ей шли, но возникал вопрос... Неужели безголовый Граф из стационара ушел не домой, а за грань? Милостивый боже, неужели это из-за меня, из-за моего желания его вразумить, дать почувствовать свое бессилие и хрупкость!

— Кто-то умер? — Кудряшка меня не поняла, на мгновение нахмурилась. — Граф

скончался? — опасливо поинтересовалась я и указала кивком головы на ее наряд.

— А! Нет-нет, конечно, брат мой жив! — В стороне послышался расстроенный вздох неудовольствия, но тут же прекратился, стоило драконессе скосить красный взгляд. — Здоров, — хмыкнув, уверенно заявила она, — но еще в лекарской лежит.

— А...

— Не здесь, — коротко бросила Олли, схватила меня за руку и утянула за собой к выходу из зала под облегченные вздохи смертников. Я была уверена, что она выберет парк или аллею со скамейками, но оборотница уверенно повела меня в сторону низкого здания с черепичной кровлей. Шагая вслед за старостой, я все никак не могла понять суть ее облачения.

— А профессор Крохен как?

— И этот жив и не дает скончаться напавшему на него иллюзиону. Проводит эксперименты... — и совсем тихо: — Меня до опытной работы не допускает. Мстит, гад!

— Имеет право, — улыбнулась я и, не придав значения ее сердитому взгляду, заметила: — Но это не повод для траура. Так что произошло?

Обогнув домик, мы оказались в тени маленького садика под крышей, и Олли, указав мне на широкую скамейку, щелкнула браслетом и немного погодя устроилась рядом. Вдохнула, затем протяжно выдохнула и нехотя призналась:

— Дело в том, что Сули и декан все еще не теряют надежды и носятся по судам, а я, глядя на них, не находила себе места и не знала, как помочь...

Вспомнив, на что способна Кудряшка в гневе, я тихо, почти неслышно произнесла:

— Ты кого-то убила...

— Что? Нет! — Она рассмеялась, затем кашлянула, посерьезнела и уже совсем другим тоном: — Разве что подставила немного. Нечаянно... необдуманно. То есть я не знала, как защитить его, и... использовала то, что первым пришло в голову.

— Кого его? — Мне стало боязно за несчастного. Догадаться, кому так повезло, было нетрудно, но я надеялась на провидение. И обманулась.

— Бруга, — ответила оборотница и отвела глаза, объясняя свой порыв: — Ты же спасла моего брата от игр Смерти, а за Бруга не заступился никто. Он из младшей ветви нашего рода, а значит... — Никто, мысленно завершила за нее я, вспоминая о Гере и связи, что заставляла его присматривать за кузенами. Жес- токо.

— И я решила помочь. — Кудряшка взяла меня за руки, произнесла строптиво: — Ведь мне он не чужой. И такой хороший, если не смотреть на недостатки...

И это она говорит об оборотне, коего хотела опоить нестабильным составом и явно опаивала ранее? Бедный Кардинал. После всех ее вывертов и предложений с зельями и прочим слышать о так называемой помощи в ее исполнении было страшно. И еще страшнее, когда я в ее последующих словах уловила отчетливое:

— Конечно, это подпортило мою собственную репутацию, но дало плоды.

— Какие? — спросила по инерции, но тут же оборвала и ее, и себя: — Нет, не говори... пока не говори. Лучше объясни, что именно ты сделала.

— Защитила Тугго, — пространно ответила смутившаяся Олли.

Смутившаяся!

— Как? — В преддверии истины мое сердце остановилось, а дыхание оборвалось, потому что Кудряшка сникла. То бишь она уже сделала глупость, уже осознала последствия и, как вариант, приехала сообщить несчастному возлюбленному о своих трудах. Молчание

затянулось, мой ужас усиливался, а Крэббас все еще страдальчески взирала на цветущие кусты. И вот, когда я уже была готова повторить вопрос, она со вздохом ответила:

— Сказала, что мы с ним переспали и я, вероятно, беременна.

Хорошо, что я сидела, хорошо, что я сидела на улице, хорошо, что я не послала Кардинала встретить ее.

— Милостивый боже!

— Не ори, — вскинулась оборотница, — от твоего вопля чуть не лопнул полог неслышимости.

Кудряшка потеряла виски, пригладила волосы и с обреченным вздохом уставилась вдаль. По-видимому, решила, что я буду ее ругать. Так я бы с радостью, но слов нет, ни одного, даже междометия, и это в который раз за день, вернее, за полдня. Лишь глазами хлопаю и мысленно за красноглазого молюсь. Ох, если он узнает, если узнает, то... Нет, даже представить страшно.

И вот сидим мы в абсолютном безмолвии, а вокруг цветы, трава зеленеет, деревья шепчутся, в теплом ветерке резвятся букашки и шмели. Солнечно, радостно, а на душе, как в той заводи с пираньями, слишком пусто и слишком чисто.

— Паршиво, — с досадой поморщилась я.

— Знаю, — откликнулась Олли и посмотрела с благодарностью: — Спасибо, ты единственная, кто отреагировал так спокойно.

— Это потому, что я на двойной дозе успокоительного, — хмыкнула в ответ. — Первая с ночи, вторая после встречи с Дао-дво, вернее, с двумя из них. Не спрашивай, — пресекла я ее расспросы и махнула рукой. — Это уже неважно. Лучше расскажи, как твоя родня отреагировала на сообщение.

— Погано... На его защиту никто не встал, пообещали только, если выживет на играх, его дома убьют.

— А Граф? — спросила тихо. Все же оборотни были в одной сплоченной команде, может, хоть он заступился.

— Обещал кастрировать, а потом уже добить, — шмыгнула носом Крэббас, — а дядя у нас некромант потомственный, согласился его неоднократно оживить, дабы каждый из рода мог свою злость выместить. И я теперь не знаю, как Бругу об этом сказать. — И совсем пискляво: — Хотела как лучше, а получилось...

Всхлип, и ближайший к нам кустарник вспыхнул, шмыг, и от нескольких капелек слез увял цветущий куст, коим я только что любовалась.

— Ну-ну, — обняла драконессу за плечи, похлопала по руке. — Игры длятся более трех недель, еще успеешь родственников переубедить.

— Не получится, — насупилась она. — Дело в том, что мне не поверили ни разу. Все видели, как я за Кардиналом бегаю и с какой скоростью он от меня улепетывает. Были стопроцентно уверены, что он меня и пальцем не тронул. И знаешь, так обидно стало, что я назло им всем привела неопровержимые доказательства нашей связи.

Мои руки безвольно соскользнули с ее плеч, взгляд затуманился серым маревом, когда я услышала невероятное:

— Мне удалось восстановить ту простыню с признанием. Ну, помнишь, от Всеволода к его недовампирке.

Я помнила.

— Ее, кстати, брат как увидел, так и пообещал заняться членовредительством. — Еще

бы Графу не злиться, уж он явно и ранее видел почерк Кардинала разбитых сердец. Признал.

Олли стерла дорожку слез со щеки, продолжила пояснять:

— А еще у меня получилось вырезать из кристаллов записи все те куски, когда я подле Бруга в неприглядном виде. Он отстраняет меня, а кажется, притягивает, и где в комнату возвращает после боя, ругаясь, что я в клуб явилась в чем мать родила. И как на кровать в одной лишь сорочке укладывает, я еще его слова: «Доешь, зацелую...» и «Подожди, Кудряшка, ты еще попляшешь у меня». Там много было, я все это сложила и...

— Доказательства стали неопровержимы, — подвела я итог. — А что же с беременностью?

— Ждем красных дней, — всхлипнула драконесса. — Но боюсь, после того, что я приняла...

— Ясно. Ты к обличению вашей связи со всей ответственностью подошла. — На похвальбу не похоже, но и ругать я ее не могла. И так видно, насколько оборотница несчастна. — А сюда ты приехала, чтобы предупредить Бруга? Хотела повидаться с ним, да?

— Нет! — воскликнула Крэббас и вскочила со скамьи. — Ни в коем случае. И сама ему не говори! Если он узнает, он меня убьет, а уже потом с чистой совестью отдастся на волю роду.

И столько ужаса в глазах, что не спросить невозможно:

— С чего вдруг такая уверенность?

— Просто... — Кудряшка с тоской посмотрела на горизонт, а потом все-таки призналась: — Я еще в пятнадцать лет грозила этим Бругу. А он тогда рассвирепел, схватил за плечи, встряхнул, к стене прижал и пообещал убить. Сказал это тихо, но так грозно и рыча, что... я окончательно голову потеряла. Понимаешь, Кардинал никогда на меня внимания не обращал и не орал в случае проделок, терпел, корил лишь взглядом, но не орал. Вот как ты, а это большая-пребольшая редкость.

— Ага, у него от ужаса слов не хватало, — пояснила я очевидное, но тему развивать не стала. — Так зачем ты здесь?

— Держи. Горран должен был передать с Сули, но, так как они оба заняты, отправили меня.

Я развернула черный пакет, ничего особо не ожидая. Скорее всего, это книга, табель с немногочисленными оценками, аптечка целителя или в самом крайнем случае оружие. Но вот черная бумага осталась в моих руках, а на колени упал сверток исписанных листов с королевской печатью в нижнем правом углу.

— Чей-то дневник? — удивилась я, не в силах прочесть ни буквы. И пусть королевство Треда находится близ моего человеческого Приграничья, их официальная письменность была мне недоступна, впрочем, как и неофициальная, ибо помимо надписей она несет еще и тайную пропись, под стать многоликим.

— Нет. — Удивленная Кудряшка потянулась к свертку и разогнула титульный лист. — Это патент на твое имя, регистрирующий разработанный тобой состав против застревания в обороте РИД.

— Но я не регистрировала его. Это разрешено лишь верноподданным королевства.

— В комитете не смогли отказать Горрану и Сули. — Олли несмело улыбнулась.

— А им зачем?

— Чтобы подать прошение об отмене твоего участия в играх, нужно было объяснить твою бесценность. Состав пришелся как нельзя лучше, да и у кадетов отзывы о нем были на

порядок выше, чем о моем средстве. Они даже вывеску над главным корпусом повесили. — Она потеряла нос и процитировала то, что я вписала в графе побочные эффекты состава: — «Лучше быть Рыжим И Довольным, чем привычным и дуже скромным».

— Прекрасная новость, — не похвалить не могла. — Но боюсь, я не успею его до игр переоформить на отца.

— Зря боишься умереть, тебе наши не позволят, к тому же у тебя будет заемная жизнь. — И как лучшая староста в мире предложила: — Но если хочешь, я могу переоформить за тебя.

— Спасибо! — Я продиктовала адрес своей деревеньки, имя отца и на всякий случай брата. На этом мы и расстались. Вернее, в кои-то веки Кудряшка сбежала, завидев все еще рыжую макушку Бруга.

— Ушла? — поинтересовался красноглазый оборотень-красавец, менее всего напоминающий сейчас жгучего брюнета.

— Ушла.

— Хорошо. — Смертник присел рядом со мной, откинувшись на спинку скамейки, вздохнул свободно. И на целую минуту затих, прежде чем спросить: — А зачем она приезжала?

— Чтобы передать патент на мой РИД. — Не ложь, но и не вся правда.

— А! Хорошая штука. — Я молчу. И не знаю, сказать ему о так называемой помощи Крэббас или лучше не говорить. А он продолжает нахваливать состав: — Отличная! Сняла оборот, и никаких проблем. — Еще помолчал немного и предложил: — Слушай, Сумерька, есть хочу — сил нет. Может, пойдем поедим? В столовой неплохо готовят, и сегодня мясо с угольком.

— А Гер? — спросила я.

— А что Гер, Гера в меню нет. — Оборотень расплылся в улыбке и развел руками. — Ты уж извини, он не подается.

— Но за столом он будет?

— Так смертник волей судеб, куда ж его гнать, пусть сидит. — Бруг уже стоял передо мной, протягивал руку. — Пойдем. Ты сердце нашей команды, ее душа, тебе нельзя оставаться голодной.

— Так, может, я в комнате...

— Тебе нельзя оставаться голодной, а нам без души, — отрезал он и поднял на ноги упирающуюся меня.

— А как же тренировки? Вы на них прекрасно обошлись без меня.

— Это были не тренировки, а сущее ребячество. А хочешь узнать больше, иди за мной.

Я и пошла. А что терять? Две дозы успокоительного уже давно выпиты, эффект есть и продлится до самого вечера, к тому же роль обиженной и ущемленной теперь моя. Так что если рыжий потребует объяснений, доказательств и прочих небылиц, я поведу себя соответственно — возмущенно встану и уйду. А если извинится... Нет, в последнее верилось слабо, так что, расправив плечи, я гордо зашагала вслед за Бругом.

И вот что удивительно: едва вошла, Дао-дво, не удостоившийся моего взгляда, вскрыл бутылку, которую, судя по изорванной этикетке, долго не выпускали из рук, налил себе полный стакан и залпом выпил. А стоило оборотню самодовольно заявить: «Вот привел!», — почему-то именно Гер, а не Равэсс сказал спасибо и, наполнив стакан повторно, предложил:

— Вот теперь рассказывайте.

— Вначале закажем, — дал команду Его Высочество.

Так, и что это получается: они не совещались и ждали меня? Вернее, рыжий ждал, а уже с ним и вся команда. Неожиданно приятно и в то же время настораживает одно «но». Это что, очередное показательное выступление? Новый урок?

И, воззрившись на Гера, я чуть не села мимо стула, отодвинутого для меня Кардиналом. Потому что многоликий выглядел ужасно, так, словно бы прошел через ожесточенную схватку с десятком противников, невероятным образом выжил и до столовой дополз. Отчего-то на ум пришло заявление Даррея о его неприкосновенности для метаморфа младшей ветви рода Дао-дво, а затем избитый вид наглого многоликого, его просьба о прощении и попытка развеять заблуждение брата-близнеца: «Это ты так думаешь, а он нет».

Милостивый боже, неужели Гер избил кузена, наплевав на собственную боль! Он в своем уме?! Я из-за него успокоительное непомерными дозами пью, а рыжий развлекается, фактически избивая самого себя! Псих.

* * *

Вздрыгнула, шлепнулась на стул, распахнула и без того большие глаза, а затем несколько раз моргнула, словно бы перепроверяя: показалось или нет. Догадалась, что к чему. Паршиво. И почему смотрит с таким осуждением? Чему не рада, кузена пожалела или его самого?

Натолкнувшись на мой взгляд, она громко фыркнула и отвернулась, делая вид, что заинтересовалась меню. Гер же усмехнулся. Ни благодарного кивка, ни участливого понимания, одним словом, человечка. Чего стоит ее пассаж с кукой. Если Сумеречная так переживала за нежить, могла бы просто подарить, а не устраивать тайных заговоров с привязкой теневой к его резерву. И последний факт говорит не в пользу некромантки: вдруг она заботилась отнюдь не о лопухой тварюшке или — как сказала Сули — о его, Гера, благополучии. Вдруг она хотела навредить, а нежить оказалась более дальновидна и честна. Что тогда? Очередное везение или нелепое стечение обстоятельств, при котором он остался жив и хорошо защищен, нежить постоянно довольна и сыта, а девчонка ни при чем...

— Дао-дво, к тебе обращаюсь. — Голос Равэсса вырвал метаморфа из тяжелых дум и оторвал от третьего по счету стакана с соком. Пить хотелось невероятно, а жажду утоляла только эта чуть подкрашенная березовая дрянь.

— Что заказывать будешь? — продолжал допытываться принц. А Гер только сейчас заметил стоящего рядом и переминающегося с ноги на ногу полуоборотня в форме подавальщика. Посмотрел на ящик бутылок с вином у своих ног справа, затем на два бочонка коньячной настойки слева и ответил:

— Ничего.

— А закусывать?

— Потом...

— Оставьте меню, — попросил капитан команды запасных королевских смертников и парня отпустил. Тихо шепнув уже самому Геру: — Включай.

Легкое движение пальцев над ремешком, и тонкий писк, переходящий в звон, сообщил об активации плотного полога из числа последних разработок для разведки. Заслышав сигнал магического гида, смертники скривились от разрывающего уши звука, одна лишь

Сумеречная не ощутила ничего. Удивленно посмотрела на соратников и прикоснулась к плечу рядом сидящего Герцога:

— Что происходит?

— Дао-дво включил полог, иными словами, заглушитель, — скрипнул зубами тот и все-таки прикоснулся к уху. — Невероятная примочка, но уж больно звонкая.

— В первый раз со всеми так, — откликнулся Гер и сухо заметил: — Раз уж я в команде именитых, но не являюсь вашим постоянным игроком, предлагаю звать меня Графитовым.

— Мы думали, ты выберешь прозвище по званию дяди — Полковник, — заметил Равэсс, произнося простые истины: — Это самый высокий ранг, когда-либо занятый представителем твоего рода.

— Хм! Есть и повыше, — беззлобно ответил метаморф, наполняя стакан в четвертый или пятый раз, — разве вы не слышали об Хадыгее Дао-дво?

— Слышали, — фыркнула команда.

— Но ты вряд ли согласишься быть Фаворитом, как твой троюродный дед при королеве, — усмехнулся Хан, выбирая из груды мяса с угольком самый большой и жирный кусок. — Ты выше подобных званий.

— Но не утех, — усмехнулся коротышка Барон, правда, почти сразу же вспомнил о Сумеречной, сидящей рядом, и извинился.

— Тогда, быть может, Советником? Ведь твоя мать...

— Советником будет она, — скупой кивок в сторону некромантки и ироничное: — А я Стальным зваться не имею права, Бараном не хочу. — Команда дружно хохотнула. Сумеречная шутки не поняла, прошептала язвительно: «Против природы не попрешь», даже не представляя, насколько права, и вызвала новый приступ смеха.

Дав им вдоволь повеселиться, разведчик поинтересовался:

— Так в чем проблема?

— В соглядатаях, — ответил Консул, тряхнув светлой головой. — Развелось немерено, шагу ступить без догляда нельзя.

— А вы решили ушагать отсюда? — весело спросил Гер, и команда слаженно кивнула. — Далеко?

— Решает Кель Граун и двое других мастеров, — уклончиво ответил Его Высочество и, набирая в свою тарелку тушеные помидоры, сообщил: — Нам скажут, куда надлежит последовать, но до того нужно отвлечь соглядатаев. Их десять, не больше. Не люди, но и не меняющие облик.

— Разумны?

— Еще и крылаты, — откликнулся Канцлер, сидящий напротив. — К двуногому виду не относятся.

— Рога, хвосты, перепонки? — не унимался разведчик, с трудом представляя, что за добросовестную живность им предстоит обхитрить.

— Перепонки на крыльях. Рога, когти, хвосты — ничего такого нет, зато зубы... — Барон оголил плечо и, стянув бинт, продемонстрировал внушительный кусок плоти, вернее, его отсутствие.

Группа молча взирала на ранение оборотня, а вот девчонку всю передернуло — так и захотелось спросить с надеждой: «Куснули знатно. А съели?» Впрочем, что когда-либо Дао-дво останавливало? Хлебнув из стакана, он так и спросил.

— Нет, тварь выплюнула, — покачал головой низкорослый смертник и, натянув рукав,

скрыл ранение от впечатлительной Сумеречной.

— Графитовый, соглядатаи не ведутся на подкуп и не желают есть чужих подношений. — Хан взял себе второй кусок мяса, голыми руками разорвал его на меньшие кусочки и, закинув в рот один из них, зажмурился от вкуса. — М-м-м, они совсем ничего не хотят...

— И воду, подслащенную дурман-травой, не пьют, — дополнил Герцог.

— Золото, связи, самки... — Гер перечислял все возможное. — Что еще может их завлечь?

Консул покачал головой.

— Сложно сказать, мы не знаем даже, как они выглядят, а сами твари не говорят. Но передают все увиденное.

— И услышанное. Возможно, ведут запись на кристаллы, — произнес Герцог и внимательно посмотрел на молчаливую некромантку. Девчонка не ела, листала меню, а смертник, в чьих жилах течет кровь кровопийц, отчетливо слышал, как поет ее голодный желудок. Вернее, его оду еде слышали все, кроме задумчивой малявки.

— Сумерька, ты почему не ешь? — не удержался от вопроса сердобольный потомок вампиров.

— Не можешь до чего-нибудь дотянуться? — вклинился в разговор коротышка Барон, коему эта проблема была известна и понятна.

— Только скажи — я достану, — улыбнулся ей Кардинал, сидящий вообще в другом конце стола.

— Я думаю... — неопределенно ответила она.

— Над чем?

— Думаю, у кого же столь много силы, чтобы удерживать под контролем две сотни взрослых нетопырей и столь много денег, чтобы всех игроков в городке кормить млечным грибом. Вы видели? — Девчонка указала на строчки в меню. — Эта приправа есть даже в компоте.

— И что? — не понял Тугго.

— Ее за десятки километров чувствуют самки нетопыря.

— Сумерька, так это же мыши, летучие, — озвучил красноглазый то, что вертелось на языке у каждого из них.

— Я и не говорю о простых животных, я говорю о классе нежити, что произошла от тeneвых. — За столом стало тихо, сам Дао-дво ощутил наплыв холода. — Может, помните... — Глаза ее затуманились, и смертельная оказия почти восторженно прошептала: — По легенде из Старых Сказаний они потеряли голос, хвост и возможность проникать в сны, зато стали более материальны и приобрели крылья. Так вот, это — не шутка.

— Твою ж! — грянула команда вразнобой. — Ты уверена?

— Да.

— Поясни почему, — предложил Гер. И поганка, будто назло, замолчала. Сидит, уткнувшись в меню, ноздри раздувает и ни слова.

— Объясни, пожалуйста, — попросил пришедший на помощь Равэсс и осуждающе на многоликого посмотрел.

Дожили! Еще и этот будет попрекать. Таррах! Чтобы не сказать лишнее и не закрыть рот обиженной мелкоте раз и навсегда, Гер, отодвинув стакан в сторону, начал пить из бутылки.

Сумеречная скривилась, глядя на него, но молчать не стала, ответила:

— Я видела книги, в которых подробно расписывалось, как их разводят и как заставляют шпионить для хозяина. Но там ни разу не упоминалось, как нетопырей подле себя удержать. Ни слова, — и задумчиво произнесла: — Может, ментальная связь?

— За ментала у нас император, — брезгливо поджал губы Герцог.

— А вместе с ним и хлыщ Авур, — кивнул Его Высочество.

За столом наступила гнетущая тишина. Есть уже никто не хотел, и даже Хан бездумно рвал мясо руками и раскладывал на тарелке, более не наслаждаясь его великолепным вкусом.

— Эй! Чего приуныли? — удивилась малявка человеческая. — Вам нужно их не убить, а отвлечь, и в этом нет ничего сложного. Самки падки на эмоции.

Сказав это, девчонка захлопнула меню и потянулась наконец-то к еде. И правильно, пусть ест. Грудь нет, кожа просвечивает, со спины на тощего пацана похожа. Зато коса такая, словно бы вся энергия ушла в волосы. Интересно, если ее остричь, грудь увеличится?..

— Графитовый! Дао-дво... Гер! — позвал Равэсс, раскручивая на своей тарелке косточку от персика. — Не смотри так на Сумерьку, то есть на Советника, иначе она сейчас поперхнется.

— Что ты сказал?

А в ответ со смешком:

— И не переводи на меня свой прищур, я не красна девица, чтобы от него смущаться и давиться... Соглядатаи выявлены. Действуй, как договаривались. — Капитан команды встал, передав метаморфу косточку. Оказавшись в кулаке Дао-дво, та потяжелела и приобрела каплевидную форму.

— С радостью, — откликнулся разведчик, пряча за пазухой редкий аналог артефакта Тан, тот самый, что некогда открывал для врагов пространственные окна в империю. Гер легко поднял ящик и два бочонка и, чуть ли не насвистывая, направился на выход. Если он и мог начать тщательный анализ и систему отвлечения нетопырей, то лишь после хорошей попойки.

Войдя в дом и поднявшись по лестнице в спальню, метаморф с удивлением остановился у своей двери, взирая на противоположную. Цветы, вернее, море цветов, перекрывали ближайший проход коридора и дыхание многоликого. Будь это лилии или розы, можно было бы предположить, что в комнате напротив разместилась весьма любвеобильная смертница, но в корзинах благоухали цветущие яблоневые ветви — знак скорби и сожаления, просьба простить за все.

— Похоже, какой-то сентиментальный придурок изменил своей и заделал ребенка на стороне, — с пониманием хмыкнул Гер и уже хотел скрыться в своих покоях, как услышал знакомый голос на лестнице. Ульс, возница, прислуживающий роду Дао-дво, вполголоса выдыхая проклятья, раскорячившись и медленно ступая, тащил вверх сундук внушительных размеров.

— Не понял, это что такое? — Рычания разведчик не удержал, поэтому мужчина отпустил сундук. Добротное изделие из дерева выскользнуло из его рук и с грохотом полетело вниз. Ступенька, вторая, третья... На пятой или шестой замок слетел, и беглый груз раскрылся, явив на свет дорогое одеяние смертницы и набор оружия из бронзового наследия Даррея.

— Пытается задобрить! — Многоликий двинул ногой ближайшую корзину. — Урод.

Двинул основательно, так, что проломил плетенку, сапогом раздавив нежное соцветие.

— Таррах! — выругался он, сбросил с ноги корзину и неожиданно ощутил тонкий, едва уловимый аромат, поднимающийся от загубленных веток. Дурман-трава! Та самая, что сотрет у девчонки все воспоминания за последние четыре часа. — Ублюдок! Еще и себя решил обелить...

Бочонки и ящик улетели в комнату, застывший в поклоне Ульс был отодвинут в сторону, а бешеный метаморф младшей ветви рода Дао-дво вылетел наружу стремительным стальным ястребом.

После ухода рыжего за столом стало на порядок тише, а в самой столовой менее напряженно. Потому что очень многие из будущих противников предпочитали смотреть в сторону нашего стола, а не в свои стаканы или тарелки. Хотя, что таить, смотрели они на меня и гаденько или цинично ухмылялись. Минута тянулась за минутой, а внимание к моей скромной персоне не иссякало.

— Никогда не знал, что слух о любовнице, занимающей кровати трех кузенов сразу, может вызвать такой ажиотаж, — тихо протянул Бруг и подмигнул мне. — Ты стала знаменитой.

Уж лучше бы и далее жила в неизвестности.

— Не просто любовницы, — не согласился с оборотнем Герцог, — а девушки, из-за которой один кузен второго чуть жизни не лишил.

— «Чуть» не считается. — Барон хмыкнул.

— Для внушения и этого наверняка хватило, — заметил Равэсс. — Скажи, Сумерька, Даррей прощения уже просил?

Я не успела ни ответить, ни заметить, что тема не из приятных, а Канцлер уже кивнул, говоря:

— Извинился, назвал все шуткой, а затем Макфарра увел под локоток.

— Да? А мне тут нашептали, что он ее отбил... — ухмыльнулся Хан и, глядя в мои округлившиеся глаза, лишь развел руками. — За что купил, за то и продаю.

— Информация неверна, — таинственно шепнул полуоборотень, что обслуживал наш стол. Он сноровисто убрал грязные тарелки, поправил корзину с фруктами и обошел всех, наполняя пустые стаканы водой.

— Да, верно, — вступил в дискуссию до сих пор молчавший Консул. — Это Даррею все внутренности отбили. И говорят, целители сделали все, чтобы он, не роняя чести, на своих двоих из городка ушел.

— И эта тоже устарела, — с улыбкой поправил подавальщик.

— С чего вдруг?

— Из последних сведений, Даррей Дао-дво более не желает Намину Сумеречную отбить, но очень сожалеет о своем поступке...

— Да с чего вы взяли? — возмутилась я, но не успела вскочить: предусмотрительные Герцог и Барон, сидящие по бокам, опять удержали меня за плечо и колено. Оставалось лишь сердито сопеть, выслушивая ответ сверх меры осведомленного полуоборотня.

— С того, что к комнате девушки были доставлены ветви цветущей яблони в количестве ста двадцати одной. Знаменательное событие.

— Что?! — Мой голос осип, ибо значение этих веток мне было известно. Поклонение, раскаяние, просьба простить и надежда на прощение. — Да он в своем уме?! — «Нет. Вряд ли... Может быть. Не совсем...» — полетело в ответ от команды. И я звучно припечатала оборзевшего кузена Дао-дво: — Многоликий мерзавец, урод!

Кувшин выпал из рук подавальщика, но он ловко схватил его у самого пола, разогнулся и, обзрев собравшихся за столом, со смущением выдавил:

— Ой, простите, это ведь вы... — обернулся к рассерженной мне, покраснел: — А это...

— Да, — ответила я и вылетела из столовой, чтобы никого не замечая и чуть ли не бегом отправиться в свою комнату.

Яблоневые цветущие ветки, а их действительно было много, перекрывали не только ближайший коридор, каждый пролет лестницы, но и вход в мою комнату. А благоухали так пронзительно, что пришлось закрыть нос. С удовлетворением заметила, что сие изобилие кому-то не понравилось так же, как и мне, и ближайшая из корзин проломлена, а дорогой добротный сундук, стоящий рядом, так вообще разбит. В его нутре копошиться не стала, увидела Ульса, разгружающего очередную корзину у лестницы, и спустилась к нему.

— Здравствуйте!

— Ох. — Он застыл и выжидательно посмотрел на меня. — Намина, вы...

— Очень рада вас видеть, — закончила за него и улыбнулась, указав себе за спину: — Но понять не могу, что это все значит.

— Я тоже. Там в карточках вроде как все написано.

— В карточках?

— Да, — кивнул он, — прикоснитесь к цветам, увидите.

Прикоснулась, увидела и остолбенела. Да уж, будь я более романтично настроена в отношении Даррея, растаяла бы с первых строк, а так лишь скептически хмыкнула, взирая на элегантные завитушки. Бруг для Кудряшки написал более прочувствованные стихи, а это — халтура. Но сколько пафоса: «Прошу простить, не смел надеяться на чувства...», «А ваша статья, ваших движений тонкое искусство...».

[Купить полную версию книги](#)